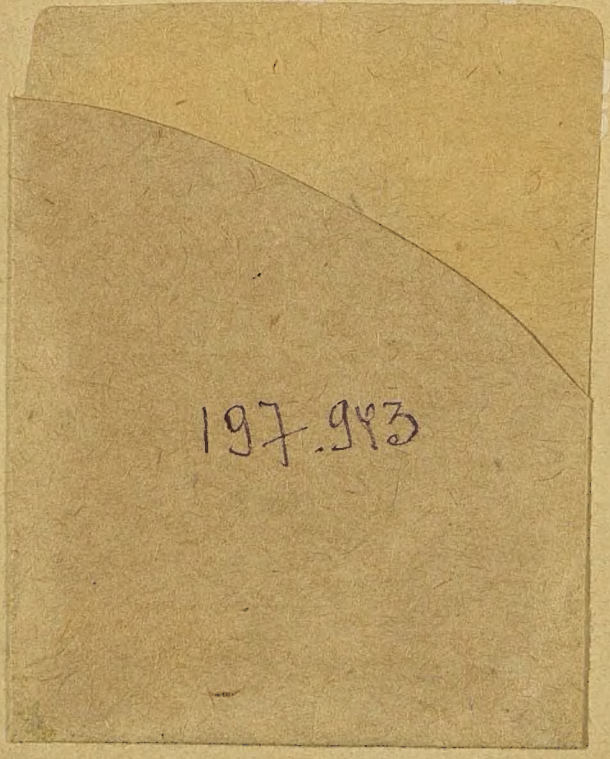
KP
197943

3/III-27г. [illegible]

197.943



Проверено 1944 г.
С-42,7

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

ЧЕЧЕНЦЕВЪ.

Собраны и переведены Н. Семеновымъ
С42,7

съ предисловіемъ и примѣчаніями собирателя.

А-67759
БИБЛИОТЕКА
им. К. Маркса

Владикавказъ.

Въ типографіи Терскаго Областнаго Правленія.

1882.

3/III-27 г.
Б
Ростов н-Д.
Кр
Р.197.943
им
Книгохранилище
Проверено
1937—38 г.

Перепечатано изъ „Терскихъ Вѣдомостей“

за 1880 и 1881 гг.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Между читателями предлагаемыхъ сказокъ и легендъ чеченцевъ найдется, вѣроятно, не мало такихъ, которые о чеченцахъ, имѣютъ самое неясное представленіе. Для нихъ именно я и рѣшился написать настоящее предисловіе, въ убѣжденіи, что оно въ извѣстной мѣрѣ расширитъ ихъ познанія о горцахъ, называемыхъ чеченцами, и тѣмъ облегчитъ имъ пониманіе собранныхъ въ настоящей книгѣ образцовыхъ чеченскихъ народныхъ сказаній.

I.

Чеченцы занимаютъ сѣверо-восточный уголъ отрога Кавказскихъ горъ, извѣстнаго подъ именемъ Андійскаго хребта, а также разстилающуюся передъ этимъ угломъ горъ долину, орошаемую рѣками Терекомъ и Сунжею и ихъ притоками. Вся, занятая чеченцами, территорія, считая и земли, отошедшія подъ поселенія Сунженской и Терской казачьихъ линій, простирается въ длину, съ востока на западъ, приблизительно на 130 верстъ и въ ширину, съ юга на сѣверъ, на 100 верстъ. Мѣстность Чечни въ топографическомъ отношеніи дѣлится на двѣ, рѣзко отличающіяся одна отъ другой, части: южную гористую, и сѣверную плоскостную. Южная часть, извѣстная подъ именемъ *Черныхъ горъ*, и теперь еще покрыта тѣми вѣковыми лѣсами, которые въ свое время играли такую важную роль въ исторіи покоренія Кавказа. Лѣса эти, захватившіе собою рядъ горныхъ хребтовъ, прорѣзываемыхъ могучими горными потоками, почти до послѣднихъ дней борьбы нашей съ горцами, служили для чеченцевъ настоящею крѣпостью, изъ которой они дѣлали свои буйныя вылазки и куда запирались каждый разъ, какъ только наши войска выгоняли ихъ изъ лѣсовъ плоскости, составлявшихъ для горцевъ какъ бы передовыя укрѣпленія. Въ настоящее время эта крѣпость разрушена: широкія бреши, въ видѣ просѣкъ, на столько разрѣдили лѣсъ, что теперь онъ легко проходимъ во всѣхъ направленіяхъ. Плоскость Чечни когда-то тоже была покрыта сплошными лѣсами, но

3/m-27

IV.

не даромъ-же мы потрудились надъ ней отъ временъ доблестнаго Ермолова и до славной эпохи покойнаго фельдмаршала, князя Барятинскаго. Въ настоящее время на плоскости лѣса существуютъ только у подошвы горъ и ихъ такъ мало, что какъ само населеніе, такъ и администрація, принимаютъ всевозможныя мѣры къ охраненію лѣсовъ отъ окончательнаго истребленія.

Климатъ въ нагорной части Чечни чрезвычайно своеобразный. Зима продолжительная и суровая, какъ въ средней полосѣ Россіи; весна туманная и дождливая; дожди и туманы держатся нерѣдко и часть лѣта до конца іюня или даже до средины іюля; затѣмъ наступаетъ благодатное, не жаркое лѣто, незамѣтно переходящее въ ту осень, которою очаровываются всѣ, пріѣзжающіе въ горы въ первый разъ. Почти вплоть до декабря, а иногда и половину этого мѣсяца погода стоитъ теплая и ясная; воздухъ все время чистъ и прозраченъ; вѣтры рѣдки и растительность не блекнетъ и не теряетъ своего темно-зеленаго убора до ноября. На плоскости климатъ южный; зима теплая, съ рѣдкими, не сильными морозами; весна въ началѣ дождливая и туманная, а потомъ ясная и теплая; лѣто жаркое, а ближе къ горамъ и влажное отъ горныхъ лѣсовъ; осень тоже жаркая въ началѣ и дождливая къ концу.

Нечего говорить, что растительность въ обоихъ поясахъ Чечни раскошная. Въ полосѣ Черныхъ горъ и у подошвы ихъ въ лѣсахъ растутъ огромные чинары, дубъ, карагачъ, кленъ, орѣхъ, груша и много другихъ фруктовыхъ деревьевъ въ дикомъ состояніи, а также дикій виноградъ и иныя вьющіяся и ползучія растенія, превращающія эти лѣса въ непроходимую чащу. Въ нагорной Чечнѣ изъ фруктовыхъ деревьевъ въ садахъ ростутъ орѣхъ, яблоня, груша, черешня, слива, вишня, персикъ (не вездѣ) и даже виноградъ (тоже не вездѣ), впрочемъ не лучшаго качества. Изъ хлѣбныхъ растеній здѣсь (отчасти по почвеннымъ условіямъ) родятся только кукуруза, пшеница яровая и просо. На плоскости виноградъ отличнаго качества, пшеница, рожь и всѣ другіе сорта яровыхъ и озимыхъ хлѣбовъ ростутъ превосходно, а сверхъ того, вызрѣваютъ табакъ, арбузы и дыни, не требуя ни удобренія почвы, ни особыхъ трудовъ со стороны земледѣльца.

Раскинувшееся на описанномъ пространствѣ горское племя, называемое нами Чеченскимъ, состоитъ въ настоящее время изъ 164,615 душъ обоего пола *). Оно живетъ большими и малыми поселеніями, разбросанными по берегамъ рѣкъ и въ глубокихъ горныхъ ущельяхъ и

*) Кавказскій календарь на 1881 годъ.

впадинахъ, называемыми *аулами*, *юртами*, (поселокъ) и *кутанами* (хуторъ). Есть аулы очень большіе, какъ напр. *Старый-юртъ*, *Ачхой*, *Урусъ-мартанъ*, *Шали*, *Исти-су* и друг., изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ насчитывается свыше 1000 дворовъ. Впрочемъ аулы эти образованы по распоряженію нашихъ властей; обычныя же чеченскія селенія—это небольшіе аулы, окруженные разбросанными по лѣсамъ и берегамъ рѣкъ небольшими-же хуторами. Многіе чеченскіе аулы одними своими названіями наводятъ на воспоминанія о цѣлыхъ эпохахъ минувшей Кавказской войны, отмѣченныхъ рядомъ кровавыхъ схватокъ между доблестными войсками и дикими сынами горъ. Таковъ *Валерикъ*, напоминающій рѣчку того-же имени, на которой, въ 1840 году, нашъ отрядъ подъ предводительствомъ генерала Галафѣева помѣрялся силами съ вышедшей противъ него всею Малою Чечнею; таковъ *Дарго*, бывшая резиденція Шамиля, гдѣ въ 1845 году разыгралась кровавая драма, извѣстная подъ именемъ „Сухарной экспедиціи“; послѣ Дарго слѣдуетъ назвать *Ведень*, вторую резиненцію Шамиля, взятую нами съ бою въ 1859 году; памятны также *Шали* по подавленію возстанія чеченцевъ въ 1864 году, памятны *Беной*, *Зандакъ*, *Исти-су*, *Маюртупъ* и многіе другіе аулы, бывшіе свидѣтелями того, какъ много крови мы пролили, какъ много жертвъ принесли для пріобрѣтенія права властною рукою насаждать цивилизацію среди варварскаго населенія Чеченскихъ горъ и плоскости.

Чеченское племя у насъ принято дѣлить на множество группъ, или обществъ, получившихъ свои названія или отъ рѣкъ и горъ, на которыхъ они обитаютъ, или отъ названій выдающихся ауловъ извѣстныхъ раіоновъ. Однако сами Чеченцы, называя себя *Нохчи*, что значитъ на ихъ языкѣ сыръ или творогъ, признаютъ въ своемъ племени гораздо меньшее число общественныхъ группъ. По поводу приведеннаго названія народа одинъ старикъ-чеченецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсказалъ мнѣ интересное народное преданіе, которое считаю не лишнимъ привести здѣсь. Нѣкогда изъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ городъ Астрахань, вышелъ на гору Сюринъ-Кортъ *) одинъ богатый и сильный (богатырь) человѣкъ и поселился на этой горѣ съ своими стадами овецъ и рогатаго скота. Пришли туда откуда-то три брата—охотника и увидѣвъ родъ крѣпости, устроенной богатыремъ вокругъ его жилища, рѣшились воровски забраться въ крѣпость и убить владѣльца ея, чтобы завладѣть его стадами и имуществомъ. Подойдя ночью къ воротамъ

*) Лежитъ на правой сторонѣ Сунжи, верстахъ въ семи отъ г. Грознаго. Сюринъ-кортъ не одна, а двѣ горы, раздѣленныя между собою извѣстнымъ Ханкальскимъ ущельемъ.

3/III-271

крѣпости, оказавшимся, вмѣсто всякихъ другихъ запоровъ, припертыми къ стѣнѣ большимъ камнемъ, они попробовали отвалить камень, но всѣ ихъ усилія въ этомъ отношеніи остались тщетными. Братья поняли, что имѣютъ дѣло съ богатыремъ и поэтому придумали другой способъ дѣйствія. Дождавшись наступленія утра, они пошли къ богатырю въ гости и, вкравшись въ его довѣріе, предложили ему породниться съ ними, женившись на ихъ сестрѣ. Богатырь принялъ предложеніе—и братья ушли домой. Дома они уговорили сестру, по выходѣ замужъ за богатыря, убить его, воспользовавшись благопріятнымъ временемъ, и заручившись ея согласіемъ отвели ее къ богатырю въ его крѣпость, гдѣ и оставили, какъ жену его. Послѣ того ровно черезъ годъ братья снова явились на Сюринъ-Кортъ, чтобы вступить во владѣніе оставшимися послѣ убитаго богатыря стадами и имуществомъ, но должны были разочароваться въ своихъ надеждахъ: богатыря они нашли по прежнему живымъ и здоровымъ, и сестра ихъ оказалась хорошей женой своего мужа и хозяйкою—большою мастерицею дѣлать сыры. Братья вступили въ объясненіе съ сестрою и получили отъ нея отвѣтъ, что богатырь не только силенъ, но и остороженъ, что попытка убить его навѣрное навлекла-бы его гнѣвъ на ихъ головы и что, наконецъ, сдѣлать такую попытку она не могла, потому что чувствуетъ себя беременной отъ мужа. Разсерженныя братья рѣшились навсегда покинуть сестру—обманщицу и, уходя отъ нея, обозвали ее съ мужемъ: *нохчи*, насмѣшливо намекая этимъ на родъ ихъ занятій. Въ свое время жена богатыря родила ему сына, названнаго почему-то *Нашихъ*, а за первымъ родила еще шесть сыновей, названныхъ разными именами (разскащикъ ихъ не помнитъ). Когда всѣ семь сыновей выросли, они разошлись въ разныя стороны и, между прочимъ, первый сынъ, Нашихъ, поднялся въ верховья Аргуна—рѣки и тамъ, между Аргуномъ и рѣкою Гехи, построилъ аулъ, названный его именемъ. Отъ этихъ-то семи сыновей богатыря *Нахчи* и пошелъ народъ *Нахчи* *).

Что касается до раздѣленія народа на общества, то чеченцы считаютъ у себя нѣсколько обществъ, которымъ присвоиваютъ особыя названія. Населеніе, занимающее земли между рѣками *Ассою*, *Гехи* и *Аргуномъ* (притоки Сунжи), называемое нами Мало-чеченцами, у чеченцевъ носитъ названіе *Гехинъ-Чу* (Гехи рѣка, Чу—средина; обитающіе на среднемъ теченіи рѣки Гехи). *Гехинъ-Чу*, раскинувшіеся на пространствѣ отъ верховьевъ названныхъ рѣкъ до впаденія ихъ въ Сунжу,

*) Нѣсколько другихъ преданій о происхожденіи чеченцевъ можно найти въ сочиненіи „Чечня и Чеченцы“ Берже, а также въ „Сборникѣ свѣдѣній о Т. Области“ (1878 г.).

считаются древнѣйшимъ чеченскимъ обществомъ и занимаемое ими мѣсто признается колыбелью чеченскаго народа, откуда онъ потомъ разселился въ разныя стороны. Населеніе, занимающее верховья рѣкъ *Аксая*, *Хулхулау* и *Басса*, до выхода ихъ изъ горъ на плоскость, называется обществомъ *Нохчи-Мохкай* (Нохчи—чеченцы, Мохкай уменьшительное отъ слова *мохкъ*—земля; можно перевести словами—земелька, землица, или вѣрнѣе—малая земля). *Нохчи-Мохкайцы* (по нашему Ичкеринцы—названіе, взятое отъ сосѣдей чеченцевъ—Кумыкъ) считаютъ себя выходцами изъ Малой-Чечни и думаютъ, что названіе свое они получили послѣ того, какъ, не найдя себѣ мѣста въ плоскостной Чечнѣ, поднялись въ незаселенныя еще тогда горы, и плоскостные чеченцы для обозначенія мѣста ихъ жительства стали употреблять выраженіе: „Чеченцы землицы или малой земли.“ Въ верховьяхъ рѣкъ *Акташа*, *Яракъ-су* и *Яманъ-су*, въ восточномъ углу Чечни, пріютилось общество *Акій* (по нашему Ауховское). *Акійцы* также считаютъ себя выходцами изъ Малой-Чечни, разсказывая, что спустившись съ верховьевъ Гехи, гдѣ и теперь еще живутъ Акійцы, или Ако (Нашихъ тамъ-же) въ Малую Чечню и не найдя тамъ мѣста для поселенія, они подались къ западу, къ сторонѣ Малой Кабарды, и поселились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь обитаетъ Назрановское общество; здѣсь оказалось мало мѣста для всѣхъ переселенцевъ, поэтому большая часть ихъ пошла черезъ Малую Чечню на востокъ. Пройдя плоскость Большой Чечни и перевалившись черезъ Качкалыковскій хребетъ и рѣку Аксай, Акійцы нашли затѣмъ нынѣшнее свое мѣсто и засѣли на немъ. По преданіямъ Акійцевъ, они заняли свою территорію раньше Ичкеринцевъ. Акійцы говорятъ нарѣчіемъ, отличнымъ отъ нарѣчія плоскостныхъ чеченцевъ и Ичкеринцевъ. Особымъ обществомъ, имѣющимъ, по мнѣнію чеченцевъ, иное происхожденіе, признаются также *Чаберлоевцы*, живущіе на границѣ Чечни къ сторонѣ Андіи (Дагестанъ), на Чаберлоевскихъ горахъ и близъ Форельнаго озера. Дѣйствительно, говоря чеченскимъ языкомъ и держась чеченскихъ обычаевъ, общество это вмѣстѣ съ тѣмъ отличается отъ чеченцевъ такими типическими особенностями, что его съ одинаковымъ правомъ можно относить какъ къ Чеченской, такъ и къ Тавлинской народностямъ *). Затѣмъ жителей всѣхъ остальныхъ

*) Въ сохранившемся у меня письмѣ ко мнѣ покойнаго А. П. Ипполитова, болѣе десяти лѣтъ бывшаго начальникомъ Аргунскаго округа, въ составъ котораго входитъ и Чаберлоевское общество, приводится цѣлый рядъ весьма вѣсскихъ доказательствъ въ пользу славянскаго или русскаго происхожденія Чаберлоевцевъ. Признавъ неудобнымъ касаться въ настоящемъ очеркѣ вопроса о происхожденіи чеченскаго народа, не привожу здѣсь и сказанныхъ доказательствъ. *Авт.*

мѣстъ своей земли чеченцы называютъ общимъ именемъ *Нохчи*, или *Нохчау*, смотря по мѣстному выговору, прибѣгая иногда и къ обозначенію ихъ разными мѣстными названіями, каковы: „*Назрановцы*, *Шубутовцы*, *Галгаевцы*, *Карабулаки*, *Брагуновцы* и проч., которымъ не придаютъ никакого существеннаго значенія.

Какъ въ глазахъ самихъ чеченцевъ, такъ и съ точки зрѣнія изслѣдователя вопросовъ о происхожденіи чеченскаго народа и развитіи его быта и нравовъ, гораздо большее значеніе, чѣмъ дѣленіе народа на общества, имѣетъ группировка его по фамиліямъ или родовымъ союзамъ. Знаете-ли что такое фамилія у чеченцевъ? Фамилія или родовой союзъ—это орденъ, въ которомъ каждый членъ, безъ клятвъ и договоровъ, въ силу исторически развившагося инстинкта, беззавѣтно служитъ интересамъ цѣлаго, не задумываясь жертвовать для нихъ, въ случаѣ надобности, всѣми личными интересами. Внѣ фамиліи чеченецъ чувствуетъ себя жалкимъ и безпомощнымъ; внутри ея—онъ въ крѣпости, имѣющей сотни часовыхъ, тысячи ружей, многочисленный и единодушный гарнизонъ, и сознаніе силы крѣпости дѣлаетъ его самоувѣреннымъ, гордымъ, своевольнымъ, дерзкимъ и нахальнымъ. Это было прежде, существуетъ и теперь, несмотря на то, что въ настоящее время каждая фамилія разбита между сотнями ауловъ и десяткомъ обществъ. Аулъ въ глазахъ чеченца—случайная ассоціація, соединившаяся для цѣлей экономическихъ, въ которую онъ попалъ по волѣ судьбы и предковъ; общество—собраніе аульныхъ ассоціацій, имѣющее или имѣвшее прежде, кромѣ экономическихъ, пожалуй, и политическія цѣли, въ отношеніи сосѣднихъ народовѣ,—но общественный организмъ, съ которымъ чеченецъ долженъ сообразовать не только поступки свои, но и побужденія—это фамилія, родъ, къ которому онъ принадлежитъ. Чтобы читатель могъ вполнѣ понять значеніе такого семейнаго союза, достаточно сказать, что имъ однимъ объясняется все своеобразіе личныхъ свойствъ чеченца (чему посвящена вторая глава настоящаго очерка) и что внѣ его не объяснимы такія крупныя явленія въ жизни чеченцевъ, какъ и вообще Кавказскихъ горцевъ, какъ обычаи кровомщенія, гостепріимства, похищеніе невѣстъ и много другихъ. Всѣ эти обычаи естественно вытекли изъ основныхъ догматовъ семейнаго союза, которые могутъ быть формулированы такъ: всѣ члены одной фамиліи за каждаго и каждый за всѣхъ; свои всегда правы, чужіе всегда виноваты; противъ чужихъ ничто не преступно, а если поступокъ противъ чужаго полезенъ и выгоденъ для фамиліи, то онъ всегда похваленъ; членъ своего рода, гдѣ бы онъ ни находился и кто бы онъ ни былъ по своимъ

качествамъ—всегда братъ и всегда имѣетъ право на помощь и на жертвы. На практикѣ, въ жизни, приведенныя догмы когда-то проявлялись съ тою-же безпощадною рѣзкостью, съ какою они выражаются теоретически и, вѣроятно, они весьма долго господствовали надъ умомъ и волею чеченца, если успѣли залечь въ его душу, какъ прирожденныя идеи. Ни продолжительная борьба съ этими идеями такъ называемыхъ народныхъ обычаевъ, о которыхъ говорится дальше, ни двадцатилѣтнее давленіе на нихъ установленныхъ нами новыхъ и чуждыхъ имъ порядковъ, до сихъ поръ не поколебали ихъ существеннымъ образомъ; умалился только кругъ вліянія этихъ идей, измѣнилась форма внѣшняго проявленія ихъ, но сущность осталась таже до сихъ поръ. И теперь убійство члена Бонойской, положимъ, фамиліи, случившееся на берегахъ Аргуна, заставляетъ Бонойца, живущаго на Яракъ-су (50—60 верстъ), хвататься за ружье и бѣжать или скакать къ мѣсту убійства, чтобы отомстить убійцѣ. Явившись поздно, когда дѣло уже окончено, онъ ограничивается появленіемъ въ домѣ потерпѣвшихъ и выраженіемъ имъ своего сожалѣнія; но если онъ попалъ на мѣсто произшествія во время, то ни на минуту не задумается, какъ дикій звѣрь, броситься на убійцъ своего однофамильца, не справляясь о числѣ ихъ. Совершивъ похищеніе, чеченецъ передаетъ похищенное своему однофамильцу, живущему на другомъ концѣ чеченской территоріи, и знаетъ, что послѣдній не измѣнитъ ему, не обманетъ и не выдастъ его. Разъѣзжая по Чечнѣ, чеченецъ большой фамиліи ни на минуту не задумывается о томъ, гдѣ ему остановиться и удовлетворить свои потребности: повсюду, гдѣ живутъ его однофамильцы, для него готовы и кровъ, и пища. И заѣхавъ къ однофамильцу, онъ располагается, ѣстъ и пьетъ у него, какъ дома, не выказывая ни малѣйшей благодарности за гостепріимство.

Искренно сожалѣю, что по ограниченности размѣровъ статьи, я не могу остановиться здѣсь на разсмотрѣніи вопросовъ о вѣроятномъ происхожденіи принципа фамильнаго союза и его дальнѣйшемъ развитіи. Ограничусь лишь перечисленіемъ извѣстныхъ мнѣ фамилій, предупреждая, что знаю ихъ не всѣ. Вотъ эти фамиліи: *Зандакъ*, *Цонтори*, *Билитли*, *Шерды*, *Гуной*, *Ауршой*, *Цечой*, *Чонгарой*, *Баяни*, *Боной*, *Агишпатой*, *Хархой*, *Вапій*, *Мержой*, *Гендрыгеной*, *Шинерой*, *Чорой*, *Дзагой*, *Гулурой*, *Парчхой*, *Цорой*, *Чонтой*, *Зумсой*, *Хорочой*, *Ишхой*, *Аллерой*, *Тезенъ-Калой*, *Кезелой* или *Битерой*, *Чертой*—итого 30 фамилій.

X.

II.

„И дики тѣхъ ущелій племена;
Ихъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война.
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.(*)

Такъ восклицаетъ нашъ Лермонтовъ, вдохновенно проникая въ духовный міръ Кавказскихъ горцевъ, разумѣя въ числѣ ихъ, конечно, и чеченцевъ.

А вотъ что онъ говоритъ о чеченцахъ и ихъ дѣйствіяхъ въ качествѣ нашихъ противниковъ на бранномъ полѣ.

„Уже въ Чечню на страшный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ—
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками;
И оживилися лѣса,
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами. (**)
. . . . . .
И вотъ изъ лѣса изъ опушки
Вдругъ съ гикомъ бросились на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ.... Впереди-же
Все тихо... Тамъ между кустовъ

(*) Лермонтовъ: „Измаилъ-Бей“.

(**) Въ 1877 году, во время возстанія нагорныхъ чеченцевъ, мнѣ привелось находиться при отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ мятежниковъ. То, что происходило передъ нашимъ отрядомъ въ лѣсахъ, занятыхъ противникомъ, было поразительно сходно съ картиною, нарисованною Лермонтовымъ. *Авт.*

XI.

Бѣжалъ потокъ (*); подходимъ ближе,
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись.... молчатъ!
Но вотъ подъ бревнами завалы...
Какъ будто ружья заблистали,
Потомъ мелькнули шапки двѣ—
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье;
Не долго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно....
Вдругъ залпъ.... глядимъ... лежатъ рядами...
. . . . . .
„Въ приклады!“ и пошла рѣзня....
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь....
Ручей тѣлами запрудили....
Хотѣлъ воды я зачерпнуть,
Но мутная, струясь, волна
Была тепла, была красна.... (**)

Но это говоритъ *поэтъ*, остановившійся на одномъ только второстепенномъ эпизодѣ нашей борьбы съ горцами. При всей яркости нарисованной имъ картины, она все-таки не даетъ намъ яснаго представленія объ общемъ характерѣ дѣйствій чеченцевъ въ теченіи минувшей Кавказской войны. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ документъ гораздо большей цѣнности—записку Кавказскаго героя, безвременно сраженнаго въ Даргинскихъ лѣсахъ, генерала Пассека, выдержки изъ которой помѣщены въ прекрасномъ трудѣ о Кавказѣ и Кавказской войнѣ полковника Романовскаго.

„Нашъ отрядъ—пишетъ генералъ Пассекъ—двигается по Чечнѣ: впереди авангардъ, потомъ главныя силы, при нихъ подвижной

(*) Рѣчка Валерикъ.

(**) Приведенный отрывокъ взятъ изъ извѣстнаго стихотворенія Лермонтова „Валерикъ“, написаннаго по поводу лѣтней экспедиціи Генерала Галафѣева, предпринятой въ 1840 году съ цѣлью наказать чеченцевъ Малой-Чечни за измѣну намъ и за признаніе ими надъ собою власти Шамиля. При проходѣ нашихъ войскъ чрезъ лѣсъ, растущій на берегахъ Валерика, чеченцы встрѣтили ихъ за завалами, и загорѣвшійся на завалахъ жестокій бой окончился и для насъ, и для непріятеля весьма чувствительными потерями. *Авт.*

паркъ, подвижной транспортъ, обозъ и наконецъ арріергардъ. Главная колонна справа и слѣва прикрыта особыми колоннами съ непрерывною цѣпью отъ авангарда до арріергарда; кавалерія, смотря по мѣстности, съ боку или въ срединѣ отряда.

„Въ открытыхъ мѣстахъ непріятель какъ будто не существуетъ; но только вступаемъ въ лѣсъ, начинается перестрѣлка, рѣдко въ авангардѣ, чаще въ бокозыхъ цѣпяхъ и почти всегда въ арріергардѣ; чѣмъ пересѣченнѣе мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе перестрѣлка. Загорается неумолкаемая канонада, а непріятеля почти нѣтъ; видѣнъ одинъ, два, нѣсколько десятковъ и все это изчезаетъ мгновенно. Но когда ослабнетъ раненными цѣпь или какая нибудь часть, когда разстроится арріергардъ или боковая колонна, вдругъ являются сотни шашекъ и кинжаловъ, и съ гикомъ кидаются на разстроенныхъ солдатъ. Если встрѣтятъ въ нашихъ стойкость, все исчезаетъ между пнями и деревьями и снова открывается убійственный огонь. Этотъ маневръ повторяется до тѣхъ поръ, пока не окончится лѣсъ, или сами чеченцы не понесутъ значительнаго урона, или наши уже не встрѣтятъ штыками, и тогда начинается ужасное бѣдствіе. Чеченцы, какъ тигры, безпощадны и быстры, и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить истребленіе. Въ такихъ дѣлахъ, весьма естественно, потери чеченцевъ въ сравненіи съ нашими ничтожны, особенно принявъ во вниманіе ловкость ихъ и искуство пользоваться каждымъ пнемъ.“

„Въ Чечнѣ непріятель невидимъ; но вы можете встрѣтить его за каждымъ изгородомъ, кустомъ, въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли нашъ, гдѣ стоитъ отрядъ; сзади, съ боковъ, вездѣ—непріятель. Нашъ отрядъ, какъ карабль, все разрѣжетъ куда не идетъ, и нигдѣ не оставитъ слѣда гдѣ прошелъ. Ни слѣдовъ опустошенія, ни слѣдовъ покорности.“

„Чеченцы—говоритъ Пассекъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ – дерзки при нападеніи, еще дерзче въ преслѣдованіи, но не имѣютъ стойкости и хладнокровія...“ „Чеченцы способны къ наѣздническої войнѣ: они дѣлаютъ быстро внезапныя нападенія въ наши предѣлы, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы напасть врасплохъ на фуражировъ, на обозъ, на партія; неутомимо тревожатъ наши аванпосты и цѣпи, т. е. ведутъ партизанскую войну“ (*).

*) „Кавказъ и Кавказская война“. Публичныя лекціи читанныя въ залѣ пассажа въ 1860 году генеральнаго штаба полковникомъ Романовскимъ. Петербургъ 1860, стр. 371 и слѣд.

XIII.

Я не даромъ привелъ отрывки изъ Лермонтова и записокъ Пассека. Цѣль моя – сдѣлать посильную характеристику душевныхъ качествъ чеченца, на сколько я успѣлъ разглядѣть ихъ за двадцатилѣтнее пребываніе въ Большой и Малой Чечнѣ, въ Ичкеріи и Аухѣ, и какъ первою ступенью къ достиженію цѣли, я пользуюсь мастерскимъ наброскомъ Пассека. Вчитайтесь въ него внимательнѣе—и вы увидите, что чеченцы являются въ немъ не воинами въ настоящемъ смыслѣ слова, а первобытными варварами, дѣйствовавшими въ войнѣ съ нами со всѣми пріемами жестокихъ и хищныхъ дикарей. Никогда и нигдѣ они не нападали на непріятеля въ открытомъ полѣ и никогда не проявляли воинской стойкости въ бою (кромѣ случаевъ, когда ихъ нафанатизировали и наэлектризировали извнѣ, къ какимъ относятся бой на Валерикѣ тотчасъ послѣ принятія чеченцами ученія мюридизма и впослѣдствіи бой подъ ауломъ Шали, въ 1864 году), какъ бы непріятельскій отрядъ ни былъ малъ и какъ бы ни было велико число ихъ самихъ. Никогда они не становились стѣною передъ своими жилищами съ рѣшимостью защищать свои семейства и свое имущество, если только ихъ не застигали нечаянно, врасплохъ, а всегда, напротивъ, при первомъ извѣстіи о наступленіи врага, они на скоро угоняли куда нибудь свои семейства съ тѣмъ имуществомъ, какое удалось захватить, и сами убѣгали въ лѣсъ, чтобы поражать оттуда врага при условіяхъ наименьшаго риска собою. Когда врагъ ослабѣвалъ, они набрасывались на него, какъ дикіе звѣри и тогда, по мѣткому и сильному выраженію Пассека „начиналось ужасное бѣдствіе“. Въ этихъ случаяхъ жестокость чеченцевъ переходила всякія границы. Чѣмъ слабѣе былъ врагъ, чѣмъ болѣе положеніе его было способно возбудить общечеловѣческое чувство сожалѣнія, тѣмъ чеченецъ становился безпощаднѣе. Льющаяся кровь омрачала его разсудокъ; глаза наливались кровью, движенья становились ловки и быстры, изъ гортани невольно вылетали звуки похожіе на рычаніе тигра... Такими, по разсказамъ очевидцевъ, они были во время рѣзни въ Ичкеринскихъ лѣсахъ, названной „Сухарной экспедиціею“, и такими они являлись всегда, когда имѣли дѣло съ жалкими, иногда невооруженными, командами и даже съ одиночными людьми. Не удивительно, что въ состояніи подобномъ выше описанному они иногда наскакивали и на свѣжія войска, явившіяся на помощь ослабѣвшимъ, и бросались на штыки, но стоило имъ опомниться и тогда они поворачивали назадъ, убѣгая безъ оглядки.

Держась дикими въ войнѣ, они тѣ-же качества проявляли и въ дружескихъ сношеніяхъ съ нами. Двуличность и лживость—харак-

XIV.

терныя особенности племенъ, стоящихъ на очень низкой степени развитія—были постоянными спутниками даже лучшихъ изъ нихъ. Военачальникъ, возлагавшій на чеченца какое нибудь порученіе, щедро оплаченное золотомъ, никогда не могъ поручиться, что онъ не будетъ жестоко обманутъ. И много было случаевъ, когда вкравшійся въ довѣріе предводителя отряда, разъигрывая передъ нимъ роль вѣрнаго и преданнаго слуги, въ тоже время поддерживалъ постоянныя сношенія съ имамомъ, его наибами и мазунами, сообщалъ имъ про каждый шагъ отряда и проч. Кромѣ того, если не все время войны, то большую часть его, такъ называвшіеся тогда мирные чеченцы пользовались всякимъ случаемъ подраться съ нами и пограбить наши станицы. Направлялась-ли куда экспедиція—часть мирныхъ секретно убѣгала къ непокорнымъ и вмѣстѣ съ ними поражала наши войска изъ за пней, съ деревьевъ, съ командовавшихъ дорогою обрывовъ и т. п. естественныхъ щитовъ; отправлялась—ли шайка непокорныхъ пограбить станицы—мирные сбѣгались къ ней со всѣхъ сторонъ, какъ волки,почувствовавшіе близость добычи. И дѣлалось это не изъ ненависти къ намъ и не изъ религіознаго фанатизма, а по инстиктивнымъ поползновеніямъ хищника. Только къ концу войны между мирными и не мирными стала преграда въ видѣ взаимной ненависти, родившейся отчасти подъ вліяніемъ проповѣди мюридизма, а по преимуществу вслѣдствіе счетовъ по кровомщенію и разнаго рода другимъ обидамъ, наносившимся ими другъ другу иногда по трэбованію руководителей воюющихъ сторонъ, а часто и въ надеждѣ на безнаказанность дѣяній.

Такимъ явился передъ нами чеченецъ, какъ противникъ нашъ на войнѣ. Каковъ же онъ вообще какъ личность! каковы его душевныя качества и какимъ образомъ они проявляются въ его жизни?(*).

Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ попробую набросать самый общій очеркъ нравственнаго облика чеченца, оставляя болѣе обстоятельную работу въ этомъ отношеніи до случая.

Начну съ того, что при внимательномъ изученіи чеченецъ поражаетъ ограниченностью и извращенностью своего духовнаго міра во всемъ, что касается сферы нравственнаго чувства. Не говоря о томъ, что онъ не имѣетъ понятія о возвышенныхъ нравственныхъ идеалахъ

(*) Оговариваюсь разъ навсегда, что все, высказываемое здѣсь о чеченцахъ, отнюдь не касается тѣхъ изъ нихъ, которые давно уже выросли изъ своего народа и по праву занимаютъ почетное мѣсто среди Кавказской интеллигенціи: рѣчь идетъ о народной массѣ, а не о выдающихся личностяхъ. *Авт.*

(быть можетъ утратилъ его подъ вліяніемъ своеобразнаго склада жизни), что такія понятія какъ добродѣтель и порокъ, добро и зло, въ ихъ абстракціи, ему незнакомы, но даже непосредственныя чувства, составляющія основу этихъ идеаловъ, или вовсе не проявляются въ немъ, или проявляются весьма слабо и съ нашей точки зрѣнія, не нормально. Чувства беззавѣтной дружбы, глубокой любви, искренняго сожалѣнія и сочувствія, чувства самоотверженія и великодушія—совершенно чужды его душѣ. Въ отношеніи чувства любви, даже семейство не составляетъ исключенія. Привязанность родителей къ дѣтямъ чрезвычайно слаба, а дѣти къ родителямъ относятся, какъ къ совершенно постороннимъ лицамъ своей фамиліи. Чеченцы искренно смѣются, когда видятъ отца-русскаго, ласкающаго и цѣлующаго своего ребенка и въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ смѣхъ переходитъ даже въ презрѣніе. На жену чеченецъ смотритъ просто какъ на низшаго члена маленькой ассоціаціи, называемой семьею, и обходясь съ нею снисходительно когда она покорно несетъ свои обязанности, презрительно и брезгливо отталкиваетъ ее въ случаѣ проявленія ею своихъ вкусовъ и желаній. Дочь для чеченца—рабочая сила, а когда она выростаетъ—товаръ. Между русскими многіе склонны думать, что отсутствіе у горцевъ дѣтской, родительской и супружеской любви только кажущееся и что оно обусловлено своеобразными взглядами ихъ на публичное проявленіе чувства. Не берусь судить, на сколько это вѣрно въ примѣненіи къ другимъ горскимъ племенамъ, но въ отношеніи чеченцевъ подобное мнѣніе составляетъ чистое заблужденіе. Здѣсь чувство, называемое нами *любовью*, прямо не существуетъ (какъ для глухонѣмаго не существуетъ, напр., звуковъ музыки) и замѣняется оно въ одномъ случаѣ половыми инстиктами, въ другомъ—доведеннымъ до инстикта-же чувствомъ фамильной солидарности и привычки. Равнодушный къ своему семейству, чеченецъ не любитъ затѣмъ никого въ мірѣ, кромѣ себя. О себѣ чеченецъ чрезвычайно высокаго мнѣнія и ставя себя въ центрѣ вселенной, тѣмъ болѣе понижаетъ мнѣніе обо всѣхъ другихъ, чѣмъ дальше они находятся отъ центра; вокругъ центра стоитъ фамилія, за нею идетъ племя, или народъ свой, за народомъ-же, вдали, стоитъ все остальное, едва достойное, а пожалуй, и вовсе недостойное вниманія. Въ особенности это сильно бросается въ глаза въ жителѣ Малой-Чечни, важномъ, спѣсивомъ и гордомъ до самообожанія. Отсюда непомѣрное самолюбіе чеченца. Этотъ сынъ горъ и лѣсовъ многое перенесетъ съ сознаніемъ своего превосходства или съ затаенною мыслію объ отомщеніи въ благопріятный моментъ, но не перенесетъ онъ одного: обиднаго или

презрительнаго отношенія къ нему. Въ подобномъ случаѣ онъ готовъ сейчасъ же броситься на обидчика и разорвать его на части. Приведенная черта давно уже замѣчена всѣми, правящими народомъ, и многіе изъ нихъ соображаются съ нею въ своихъ отношеніяхъ къ управляемымъ. Какъ ребенокъ, обидчивый и самолюбивый, чеченецъ, какъ ребенокъ-же, любитъ похвалы и комплименты, и къ нему вполнѣ примѣнимы слова Лермонтова:

„ . . . . . лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта“. (*)

Лишенный высочайшаго блага—глубоко проникаться чувствами добрыми и гуманными, чеченецъ, взамѣнъ того, весь сотканъ изъ чувствъ грубыхъ и эгоистическихъ, источникомъ которыхъ служатъ непосредственные инстикты животнаго организма, выросшаго въ постоянной борьбѣ за существованіе. Ко всему, что не онъ и не его фамилія, онъ питаетъ инстинктивное недоброжелательство, легко переходящее въ ненависть; онъ жестокъ до самозабвенія и, напавъ на свою жертву, готовъ терзать ее до безконечности, наслаждаясь ея муками; чувство мстительности развито въ немъ до способности питаться имъ многіе годы. При такихъ условіяхъ понятно, что чеченецъ и ни въ комъ другомъ не допускаетъ ни пріязни къ себѣ, ни даже простаго доброжелательства, а напротивъ, во всѣхъ подозрѣваетъ такихъ-же хищниковъ, какъ и онъ самъ. Отсюда отсутствіе въ немъ прямодушія и откровенности и господство подозрительности, скрытности, обмана и двоедушія. Это-то и есть пресловутыя хитрость и коварство чеченца, о которыхъ у многихъ сложилось чуть не поэтическое представленіе. Въ сущности, если коварство (т. е. двоедушіе и обманъ) дѣйствительно составляетъ неотъемлемое качество чеченца, то далеко нельзя того-же сказать о хитрости, понимаемой въ смыслѣ способности чеченца къ составленію замысловатыхъ комбинацій, или въ смыслѣ умѣнья его тонко расчесть и предугадать, ловко подсмотрѣть чужую игру и т. п. Не нужно забывать, что дѣло идетъ о человѣкѣ, весьма мало развитомъ. Таиться, обманывать, говорить не то, что думаешь, беззастѣнчиво замѣнять фактъ вымысломъ, хотя иногда искуснымъ и правдоподобнымъ—дѣло не трудное и для ограниченнаго ума, но хитрость требуетъ значительныхъ умственныхъ силъ. Будь чеченцы дѣйствительно хитры, они не вдавались бы такъ часто въ обманъ, какъ это случалось съ ними прежде, случается и теперь. Въ 1877 году простой Зандаковецъ Алибекъ-Аджи Алдамовъ, рѣ-

(*) Измаилъ-Бей.

шительно ничѣмъ не выдававшійся изъ толпы, въ качествѣ внезапно народившагося имама, съумѣлъ провести всю Ичкерію и часть плоскостныхъ жителей. Уловки, къ которымъ онъ прибѣгалъ при этомъ, были самаго невиннаго свойства: разъ этотъ новоявленный имамъ распустилъ слухъ, что русскіе, за неимѣніемъ на Кавказѣ войскъ, нарядили въ солдатскіе мундиры женщинъ; въ другой разъ онъ объявилъ, что турецкія войска взяли Тифлисъ и, предводительствуемыя Кази-Магомою, сыномъ Шамиля, усиленнымъ маршемъ идутъ прямо въ Ичкерію; въ третій разъ приближенные его нарядили одного тавлинца въ какой-то красный или желтый халатъ и выдали его народу за Турецкаго пашу, присланнаго Султаномъ. Наивные Ичкеринцы все признали правдоподобнымъ, всему повѣрили, даже пророческимъ предсказаніямъ имама, что русскіе вдругъ ударятъ сборъ, соберутся и уйдутъ себѣ въ Ставропольскую губернію,—и многіе изъ нихъ потомъ дорого поплатились за свою безхитростность.

Наклонность чеченца къ хищничеству и воровству—фактъ общеизвѣстный. Наклонность эта органически связана со всѣми другими его наклонностями и развивалась она вѣками жизни въ обособившихся фамильныхъ ассоціаціяхъ, изъ которыхъ каждая признавала вполнѣ естественнымъ и законнымъ увеличивать свои матеріальныя средства путемъ хищническаго присвоенія средствъ другой, враждебной ассоціаціи. Многіе склонны думать, что главнымъ стимуломъ къ воровству служитъ въ чеченцѣ тщеславное стремленіе слыть за молодца и храбреца, что корысть тутъ дѣло второстепенное и можетъ даже отсутствовать. Подвигами хищничества пріобрѣтается, говорятъ, уваженіе въ народѣ и благосклонность женскаго пола. Послѣднее, относительно уваженія и благосклонности, пожалуй, вѣрно, но первое ошибочно,—по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается источника происхожденія и дальнѣйшаго развитія страсти къ воровству. Въ настоящее время, когда условія, породившія страсть, рѣзко измѣнились, когда воровство нерѣдко влечетъ за собою не обогащеніе, а раззореніе,—возможны, пожалуй, подвиги этого рода въ смыслѣ такъ сказать, искуства для искуства, или вѣрнѣе—ради достиженія цѣли возвышенія своей репутаціи, но и то весьма рѣдко. Въ сущности-же дѣло не въ томъ. Начали воровать и воруютъ именно въ видахъ корысти и обогащенія, но съ такого рода промысломъ сопряжены рискъ и опасности, для преодолѣнія которыхъ нужны и снаровка, и ловкость, и отвага. Въ обществѣ, гдѣ воровство составляло единственный способъ обогащенія, выходившаго изъ ряда скудныхъ средствъ, пріобрѣтенныхъ неумѣлымъ трудомъ, снаровка, ловкость и отвага, какъ орудія достиженія цѣли, должны были поднять-

ся на высоту первостатейныхъ качествъ, а обладатели ихъ стать въ положеніе выдающихся личностей, пользующихся уваженіемъ и почетомъ. Цѣль воровства была корысть, послѣдствіями умѣнья красть являлись слава молодца и благосклонность женщинъ. Не тоже-ли мы видимъ въ разнаго рода воровскихъ шайкахъ, однако никто не думаетъ, чтобы подвиги этихъ шаекъ совершались единственно для славы и женщинъ.

Чтобы въ цѣломъ народѣ воровство пользовалось такимъ значеніемъ, необходимо отсутствіе въ этомъ народѣ яснаго представленія о святости труда и о неприкосновенности собственности, но въ чеченцахъ оно и отсутствуетъ. Трудъ въ сознаніи Мало-Чеченца—самаго типическаго представителя своего племени—занятіе, если не унизительное и безчестное, то во всякомъ случаѣ жалкое и непріятное. Пускай трудятся женщины, калѣки и всѣ тѣ, кто такъ или иначе обиженъ природой; а онъ—сильный, отважный и ловкій, умѣющій рубить не топоромъ, а шашкой, умѣющій стрѣлять и скакать на лошади сквозь непроходимую чащу своихъ дѣвственныхъ лѣсовъ и прятать въ этихъ лѣсахъ награбленную добычу,—онъ не хочетъ убивать свои силы и время надъ кропотливой обработкой полей, надъ рубкою на продажу вѣковыхъ деревьевъ и проч. Конечно, трудиться приходится, но это дѣло тяжелой необходимости...

Понятіе чеченца о собственности, не въ шутку, а вполнѣ серьезно можетъ быть формулировано такъ: что мое, то мое, а что твое—то могло-бы быть моимъ. Исходя отсюда, чеченецъ, чувствуя поползновеніе воспользоваться чужимъ и увѣренный въ существованіи такихъ же поползновеній у ближняго, очень крѣпко охраняетъ все, что попадаетъ въ его обладаніе, въ тоже время зорко присматриваясь и облюбовывая собственность другаго. Кому неизвѣстна легенда о чеченскихъ кувшинахъ съ серебряными деньгами, въ темную ночь зарытыхъ глубоко въ землю въ какомъ нибудь углу сакли или двора? Зарывшій деньги никогда не дѣлится своей тайной даже съ самыми близкими людьми и бывали случаи, что наслѣдники такъ и не находили оставленной имъ казны. Прежде такихъ кувшиновъ было много, теперь они тоже существуютъ, хотя уже въ гораздо меньшемъ количествѣ. Подобно этому охраняется и всякое другое имущество и совершенно основательно: наткнувшись напр. въ полѣ на чужую лошадь, чеченецъ (конечно не всѣ, даже не половина, а меньше, много меньше!) невольно влечется къ ней всѣмъ своимъ существомъ и, поймавши, угоняетъ ее куда нибудь подальше, въ другой аулъ къ однофамильцу, а тамъ она угоняется еще дальше, пока не удастся сбыть ее гдѣ нибудь за тридевять земель. Угнавшій

лошадь разсуждаетъ обыкновенно такъ: не я, такъ другой,—такъ лучше я.

И такъ инстинкты и воззрѣнія чеченскаго народа, сами по себѣ почти исключаютъ возможность существованія въ немъ элементовъ гражданственности и благоустройства. Является вопросъ: какимъ-же образомъ этотъ народъ существовалъ до поры подчиненія его нашей власти, существовалъ несомнѣнно долго, росъ, размножался и даже совершалъ народно-общественныя дѣла, къ которымъ естественно относится и его минувшая борьба съ нами? Не имѣя возможности отвѣчать на этотъ вопросъ съ тою обстоятельностью, какой онъ заслуживаетъ по своей важности, ограничусь здѣсь только нѣкоторыми указаніями по поводу его. Прежде всего, продолжительная и упорная борьба чеченцевъ съ нами не нуждается въ объясненіи ея присутствіемъ въ народѣ сознанія общенародныхъ интересовъ. Эта борьба не противорѣчила основнымъ чертамъ характера чеченца, а напротивъ вполнѣ гармонировала съ ними и сама какъ-бы питала и развивала ихъ. Набѣги, преслѣдованія, убійства, грабежи!—трудно придумать лучшую арену дѣятельности для человѣка тѣхъ качествъ, какими надѣлена природа нашего чеченца. Ничего нѣтъ по этому страннаго, что на такую арену одновременно и всѣхъ увлекали прямо ихъ личные вкусы и инстинкты, не руководимые никакими всенародными стремленіями; тѣмъ не менѣе однако въ общемъ выходила грандіозная борьба цѣлаго народа, какъ бы проникнутаго одною идеей. Затѣмъ, въ жизни чеченскаго народа существуетъ въ высшей степени важный элементъ, который, можетъ быть, одинъ заключаетъ въ себѣ полный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ жизненности разсматриваемаго нами общественнаго организма. Элементъ этотъ—такъ называемые народные обычаи чеченцевъ. Откуда они взялись? Занесены-ли эти обычаи въ чеченскіе лѣса въ давно прошедшее время какими нибудь пришельцами, стоявшими на неизмѣримо-высшей ступени цивилизаціи, чѣмъ коренные жители? заимствованы-ли они чеченцами уже позже отъ сосѣднихъ съ ними народовъ, какъ народы Лезгистана, Кабардинцы, Кумыки? или-же они родились изъ нѣдръ народнаго духа, какъ необходимая реакція анти-общественнаго принципа родоваго союза?—рѣшать этого не берусь. Во всякомъ случаѣ обычаи, или устные законы жизни чеченцевъ (имъ присвоено названіе *адата*) имѣютъ совершенно отличный отъ принципа фамильной связи источникъ происхожденія и дѣйствуютъ въ противовѣсъ послѣднему. Обычай здѣсь стоитъ на почвѣ народности, а не фамиліи; не будучи въ силахъ измѣнить фамильныя традиціи, онъ въ однихъ случаяхъ (какъ въ дѣлѣ го-

степріимства) разширяетъ ихъ до значенія традицій общественныхъ, въ другихъ (какъ напримѣръ въ дѣлахъ кровомщенія, похищенія женщинъ и въ дѣлахъ хищничества) дополняетъ ихъ актами примиренія и соглашенія, стараясь держаться на высотѣ безпристрастія. Такіе обычаи, водворяясь среди людей, проникнутыхъ анти-общественными инстинктами и стремленіями, невольно съуживаютъ область проявленія этихъ инстинктовъ и стремленій—и въ этомъ ихъ безспорно хорошая сторона. Но они имѣютъ и другую сторону: стремясь къ достиженію только что намѣченной цѣли, они доходятъ въ своей регламентаціи самыхъ обыденныхъ явленій жизни до крайней мелочности; кромѣ того они догматичны, какъ религіозное откровеніе. Кто знаетъ,—можетъ быть обычаи и дѣйствительно сложились у горцевъ въ формѣ религіи, нынѣ давно позабытой. Какъ-бы то ни было, но мелочность регламентаціи и догматизмъ обычаевъ въ настоящее время оказываютъ вредное вліяніе на умственное развитіе чеченца, а также на измѣненіе формъ его жизни. Слѣдуетъ отмѣтить и еще одну особенность въ положеніи обычаевъ въ народѣ. Какъ ни крѣпко они, по видимому, охватили собою жизнь, какъ ни далеко ушли въ регламентаціи самыхъ ничтожныхъ дѣйствій личности, душа чеченца все-таки не подпала подъ ихъ вліяніе. Обычаи во многихъ случаяхъ все-таки остаются только формою, внѣшностью, которою іезуитски прикрывается сущность, часто чуждаго имъ характера. Приведу здѣсь нѣсколько формулъ обычаевъ важныхъ и второстепенныхъ, по которымъ читателю не трудно будетъ судить о значеніи цѣлаго.

Обычай безусловно требуетъ уваженія всѣхъ младшихъ ко всѣмъ старшимъ и регламентируетъ свое требованіе такимъ образомъ. Старшій сидитъ, а младшій стоитъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ приглашенія садиться; когда въ комнатѣ нѣсколько человѣкъ пожилыхъ и нѣсколько человѣкъ молодежи, пожилые сидятъ въ порядкѣ старшинства, а молодежь стоитъ у порога. Ѣдятъ сначала старшіе, а младшимъ передаются остатки кушанья въ томъ видѣ, какъ они брошены первыми. Въ дорогѣ старшій ѣдетъ справа, младшій слѣва; если ѣдутъ трое—старшій въ срединѣ. Когда въ дорогѣ находится цѣлая компанія, младшіе составляютъ какъ-бы охранную стражу старшихъ: часть ихъ располагается впереди, часть сзади, остальные по бокамъ центра, составленнаго изъ старшихъ. Всякій старикъ безъ церемоніи требуетъ услугъ отъ всякаго молодаго человѣка и послѣдній безпрекословно исполняетъ ихъ.

Обычай гостепріимства регламентируется такъ: гость хозяина вся-

кій, кто заѣхалъ въ его дворъ, будь это даже кровный врагъ гостепріимца; гость старшій въ домѣ, а хозяева его слуги; не покормить гостя или обидѣть его чѣмъ нибудь, значитъ показать себя недостойнымъ имени чеченца. Въ случаѣ надобности, гостя обязательно защищать, жертвуя своею жизнію; если гостя убили, то хозяинъ становится мстителемъ убійцѣ; если гостя обокрали, хозяинъ вознаграждаетъ его за причиненный ему вредъ. Гостю достаточно сказать хозяину: мнѣ нравится та или другая изъ твоихъ вещей и хозяинъ даритъ ему ее. Гостя слѣдуетъ проводить за селеніе и тамъ пожелать ему счастливаго пути, а потомъ... Въ Чечнѣ бывали случаи, когда хозяинъ, исполнивъ въ отношеніи гостя всѣ требованія гостепріимства, настигалъ его затѣмъ на только что указанной ему дорогѣ и какъ человѣкъ, свободный отъ бремени гостепріимства, обиралъ или убивалъ его. Это характерно какъ доказательство того, что требованія обычая понимаются вполнѣ формально и что они только формально-же считаются препятствіемъ къ достиженію завѣтной цѣли.

По обычаю, случайно съѣхавшіеся на одномъ пути и продолжающіе путь вмѣстѣ, считаются братьями и какъ братья должны беззавѣтно помогать и защищать другъ друга въ случаѣ опасности. По обычаю, преступно прикоснуться даже къ платью чужой женщины; по обычаю, мужчина не долженъ кричать и плакать отъ боли, хотя бы съ него кожу сдирали; обычай требуетъ черезъ селеніе ѣхать тихо, если бы даже за вами слѣдовала погоня и т. д.

На случай совершенія убійства, обычай, заботясь объ устраненіи акта кровомщенія, вытекающаго изъ принципа родоваго союза, устанавливаетъ сложный обрядъ примиренія фамиліи обиженнаго съ фамиліею обидчика,— обрядъ, въ которомъ каждый шагъ, каждый жестъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ строго регламентированы. Такіе же обряды установлены обычаемъ и на случаи примиренія въ дѣлѣ пораненія, въ дѣлѣ похищенія и оскорбленія женщинъ и проч.

По дѣламъ воровства обычай опять устанавливаетъ чрезвычайно сложные обряды, съ цѣлью искорененія наклонности къ хищничеству.

III.

Умъ у чеченца бойкій, но изменный и легкій. Чеченецъ любитъ пошутить, посмѣяться, посострить, поиграть словами. Мысль его постоян-

но вращается около простыхъ обыденныхъ предметовъ, но и эти предметы она охватываетъ поверхностно, такъ сказать,—пластически, не проникая въ глубину ихъ. Точность и опредѣленность, свойственныя уму наблюдательному, идейность и отвлеченность, характеризующія собою умъ разсудочный,—уму чеченца не свойственны. Чеченецъ не столько мыслитъ, сколько представляетъ себѣ видѣнное и испытанное; не столько мыслитъ, сколько воспроизводитъ въ умѣ свои непосредственныя ощущенія. Воображеніе, если хотите, у него сильное, но оно не творческое, т. е., легко и ярко представляя въ умѣ реальныя картины, онъ способенъ еще измѣнять размѣры ихъ (преувеличивать или уменьшать), но ему чужда способность создавать по аналогіи другіе фантастическіе образы и картины,—вообще фантазія у него очень ограничена. Можетъ быть поэтому уму чеченца почти недоступны представленія о предметахъ и идеяхъ возвышенныхъ, относимыхъ къ такъ называемому духовному міру. Идеи о божествѣ, о міросозданіи почти не возбуждаютъ его вниманія; идеи о раѣ и адѣ воплощаются для него въ картинахъ богатства, молодости, здоровья и широкаго удовлетворенія своихъ страстей и потребностей—съ одной стороны, и бѣдности съ физическими страданіями—съ другой. Идею обязанностей своихъ передъ Богомъ чеченецъ не понимаетъ иначе, какъ въ смыслѣ формальнаго исполненія установленныхъ требованій и обрядовъ. Даже чертовщина не особенно занимаетъ его и чеченскій чортъ, какъ и горецъ, ходитъ тоже въ черкескѣ и чувякахъ, только онъ непомѣрно-большаго роста.

Способность разсуждать и комбинировать развита у чеченца главнымъ образомъ въ сферѣ двухъ категорій предметовъ; первая категорія относится къ дѣламъ по всякаго рода покушеніямъ на личность и имущество ближняго и по уничтоженію слѣдовъ исполненнаго дѣянія; вторая категорія—это дѣла общественно-политическаго характера. На второй категоріи стоитъ остановиться. Дѣло въ томъ, что прошлая продолжительная борьба съ нами не прошла безслѣдно для умственнаго развитія чеченца. Необходимость быть осторожнымъ и чуткимъ, необходимость каждую минуту знать, что дѣлается и въ станѣ враговъ, и въ станѣ своихъ, и сообразовать свои дѣйствія не только съ дѣйствіями своихъ одноаульцевъ, но и всего своего общества и народа; далѣе, важность знанія расположенія и численности непріятельскихъ отрядовъ, талантовъ и умѣнья непріятельскихъ военачальниковъ, ихъ плановъ и предначертаній и т. п.; затѣмъ личное или посредственное участіе каждаго не въ нападеніи и защитѣ только, но также въ обсужденіи разнаго рода условій и договоровъ, въ составленіи плановъ набѣговъ и

проч.—все это естественно развило въ чеченцѣ и вниманіе къ общественно-политическимъ вопросамъ, и смѣтливость, и догадливость въ этомъ отношеніи; словомъ чеченецъ въ дѣлѣ разумѣнія общественныхъ и политическихъ вопросовъ выросъ изъ самого себя. Конечно, онъ не Богъ вѣсть какой политикъ; его соображенія и догадки по этой части въ большинствѣ случаевъ бываютъ переполнены множествомъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и заблужденій, но все-таки, разговаривая съ чеченцемъ, чувствуешь, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, чуткимъ къ такимъ явленіямъ общественной жизни, которыя почти недоступны, напр. нашему крестьянину среднихъ губерній. Не здѣсь-ли лежитъ корень заблужденія относительно какихъ-то замѣчательныхъ способностей чеченцевъ? Впрочемъ есть у чеченца еще одна выдающаяся способность, выросшая на почвѣ подозрительности и недовѣрчивости во взаимныхъ отношеніяхъ—это умѣнье распознавать людей, инстинктивно угадывать ихъ натуру и затѣмъ приноравливаться къ ней.

Въ отношеніи другихъ сферъ мышленія умъ чеченца спитъ еще. Чеченецъ, напр., до сихъ поръ не составилъ себѣ сколько нибудь яснаго понятія о теченіи времени; ни одинъ чеченецъ не знаетъ, сколько ему лѣтъ, когда родились его дѣти, или когда случилось въ его жизни то или другое событіе. Невѣжество въ данномъ случаѣ доходитъ до курьезовъ: событіе, случившееся въ только что минувшемъ году, относится ко времени событій, бывшихъ три—четыре года назадъ, и обратно; вернувшійся изъ ссылки, въ которой пробылъ четыре пять лѣтъ, часто на вопросъ о срокѣ ссылки, отвѣчаетъ: „не знаю“, или дѣлаетъ ошибку на два—на три года. Занимаясь земледѣліемъ, чеченецъ ни о временахъ года, ни о свойственныхъ этимъ временамъ атмосферическихъ явленіяхъ, не имѣетъ и сотой доли познаній крестьянина внутреннихъ губерній. Память чеченца короче памяти женщинъ. Даже тѣ изъ нихъ, кто принималъ живѣйшее участіе въ выдающихся событіяхъ минувшей войны, теперь не помнятъ ни именъ дѣйствующихъ лицъ, которыя были тогда у всѣхъ на устахъ, ни обстоятельствъ выдающихся эпизодовъ войны. Этимъ отсутствіемъ памяти у чеченцевъ, быть можетъ, и объясняется бѣдность и ординарность ихъ народныхъ преданій. Еще о происхожденіи народа существуютъ различныя сказанія, но о томъ, какъ народъ росъ и развивался, какова была его дальнѣйшая судьба до прихода на Кавказъ русскихъ, на этотъ счетъ, вмѣсто цѣльныхъ преданій, какъ у другихъ народовъ, чеченцы даютъ какіе-то жалкіе обрывки исторіи, безъ именъ и безъ характерическихъ особенностей мѣста и времени. Любознательность чеченцевъ не идетъ дальше сплетень

съ политическо-общественной окраской, а въ отдѣльныхъ случаяхъ, дальше ознакомленія съ наилегчайшими способами пріобрѣтенія... Подражательность ихъ ограничивается заимствованіемъ кое-какихъ предметовъ внѣшней обстановки, но вообще они склонны къ косности и невниманію ко всему чужому. Малоразвитость чеченцевъ между прочимъ, характеризуется и положеніемъ въ народѣ мусульманской грамотности. Какъ въ Дагестанѣ и въ другихъ мѣстахъ Кавказа, населенныхъ горцами—мусульманами, въ Чечнѣ при всѣхъ значительныхъ мечетяхъ существуютъ школы, въ которыхъ обучаются арабскому языку и мусульманскому закону. Какъ и вездѣ, ученики этихъ школъ мучаются въ нихъ по десятку лѣтъ, чтобы пріобрѣсти познанія, необходимыя для сельскаго муллы, и однако въ Чечнѣ рѣшительно отсутствуютъ достаточно грамотные и развитые муллы, тогда какъ въ Дагестанѣ ихъ всегда цѣлыя десятки, если не сотни.

Вообще, надо сказать, что если чеченецъ нерѣдко и производитъ впечатлѣніе человѣка не глупаго и даже тонкаго, то тутъ главную роль играютъ снаровка, осмотрительность и тактъ. Идя къ лицу вліятельному, чеченецъ рѣдко упускаетъ случай освѣдомиться предварительно, кто это лицо, каковы его вкусы и какъ слѣдуетъ держаться съ нимъ, чтобы понравиться ему. Въ нужныхъ случаяхъ чеченецъ ловко прикидывается знающимъ, но не желающимъ высказаться, глубокомысленнымъ, но таящимъ свои думы про себя. Въ этой страсти играть въ политику, если хотите, много и не чеченскаго, а обще-восточнаго, но чеченецъ, по свойству своей натуры, какъ-то глубже другихъ проникся ею.

Набросанная мною характеристика чеченца была бы не полна, въ особенности относительно современныхъ намъ поколѣній, если бы я не упомянулъ здѣсь о такомъ важномъ элементѣ, какъ мусульманская религія, исповѣдуемая всѣмъ чеченскимъ народомъ. По недостатку мѣста, я коснусь этаго элемента лишь въ немногихъ словахъ. Есть много основаній полагать, что современная религія чеченцевъ стала оказывать вліяніе на жизнь народа очень недавно. До сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія дѣйствіями чеченцевъ личнаго и общественнаго характера, очевидно, руководили народныя традиціи, покоющіяся на двухъ основныхъ принципахъ: на принципѣ родоваго союза, предполагающемъ существованіе недоброжелательныхъ отношеній между отдѣльными родами, и на принципѣ общественныхъ обычаевъ, ослабляющемъ разрушительное дѣйствіе перваго принципа и въ извѣстной мѣрѣ гарантирующемъ солидарность родовыхъ и общественныхъ группъ.

Присутствія религіознаго элемента еще не замѣтно. Фактъ этотъ констатируется многими писателями занимавшимися исторіею Кавказской войны. Между прочимъ, г. Романовскій, въ цитированномъ мною сочиненіи его, г. Фадѣевъ, въ книгѣ „шестьдесятъ лѣтъ Кавказской войны“ и г. Берже, въ книгѣ „Чечня и чеченцы“—всѣ трое утверждаютъ, что среди чеченцевъ вліяніе религіи проявлялось въ весьма ничтожной степени. Но вотъ въ 1840 году среди чеченцевъ появляется Шамиль съ *шаріатомъ* *) въ одной рукѣ, съ планомъ рѣшительнаго внѣдренія его въ странѣ въ другой и съ пламенною проповѣдью *газавата* на устахъ **). Газаватъ сразу даетъ всѣмъ природнымъ вожделѣніямъ чеченца законную санкцію, намѣчаетъ для нихъ единую и всѣми видимую цѣль и притомъ возводитъ ихъ на степень религіознаго подвижничества. Понятно, что чеченецъ отдался новому ученію со всѣмъ увлеченіемъ слѣпаго богатыря, долго незнавшаго куда идти и на что истратить свои силы, но вдругъ прозрѣвшаго и увидѣвшаго передъ собою яркую и заманчивую цѣль.., Шамиль воспользовался первою минутою увлеченія и наложилъ руку на господствовавшіе въ странѣ народные обычаи, замѣнивъ ихъ постановленіями *шаріата* и на нѣкоторое время обезпечивъ строгое исполненіе ихъ. Это удалось ему не болѣе, какъ на одинъ моментъ, но и момента оказалось вполнѣ достаточно, чтобы идея, какова бы она ни была сама по себѣ, восторжествовала надъ хаосомъ, обременявшимъ голову чеченца: въ намѣченный моментъ мусульмане по имени превратились въ мусульманъ настоящихъ. Послѣ того произошло много перемѣнъ: Шамиля мы сняли со сцены, на мѣсто шаріата снова водворились народные обычаи, но идея мусульманства, притомъ еще въ той рѣзкой и извращенной формѣ, въ какой она была занесена въ чеченскія горы, не умерла; она, напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше укореняется въ умахъ чеченцевъ, чему можно было-бы привести массу доказательствъ. Во всякомъ случаѣ, говоря о современномъ чеченцѣ, слѣдуетъ твердо помнить, что, кромѣ другихъ элементовъ, на образованіе его характера и воззрѣній сильно вліяетъ теперь и элементъ религіозный...

Теперь перейду къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ по поводу предлагаемыхъ въ настоящей книгѣ образцовъ чеченской народной поэзіи.

Печатаемыя теперь сказки и легенды чеченцевъ не исчерпываютъ собою, конечно, всей устной литературы этого народа; они не соста-

*) Шаріатъ—кодексъ мусульманскихъ религіозныхъ и гражданскихъ законовъ.

**) Газаватъ—ученіе о святости и обязательности войны противъ невѣрныхъ.

вляютъ даже и очень значительной доли ихъ. Легенды и сказки собирались и записывались мною безъ всякой системы, случайно, во время разъѣздовъ по чеченскимъ селеніямъ по разнымъ надобностямъ. Само собою разумѣется, что многое изъ слышаннаго мною осталось вовсе не записаннымъ за недосугомъ, за неимѣніемъ подъ рукою письменныхъ принадлежностей или и потому, что записываніе въ присутствіи разсказщика и слушателей—чеченцевъ оказывалось дѣломъ неловкимъ и способнымъ возбудить недоумѣніе или даже прямо неудовольствіе. Такъ помнится, что однажды, лѣтъ 10 тому назадъ, въ одномъ изъ ауловъ Большой—Чечни (Гельдыгенѣ, кажется), какой-то молодой сказочникъ два или три вечера занималъ меня разсказами изъ животнаго эпоса чеченцевъ; фигурировали преимущественно волкъ и лисица и, если память не измѣняетъ мнѣ, еще заяцъ. Разсказы были довольно остроумные и мы—слушатели отъ души смѣялись имъ. Къ сожалѣнію они, какъ и многое другое, остались не записанными и въ настоящій сборникъ войти не могли.

Кромѣ того, все нынѣ печатаемое составляетъ лишь не болѣе двухъ третей сказокъ и легендъ разновременно собранныхъ и записанныхъ мною. Дѣло въ томъ, что и раньше меня были любители, занимавшіеся собираніемъ устныхъ сказаній чеченцевъ и печатаніемъ ихъ въ разныхъ изданіяхъ. Кое-что напечатано въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ“, кое-что (легенды и преданія) помѣщено въ книжкѣ г. Берже „Чечня и чеченцы“. Много сказокъ попало въ „Чеченскій Букварь“ г. Бортоломея. Сказки и сказанія, найденныя въ поименованныхъ изданіяхъ, были выброшены мною изъ моего собранія, за исключеніемъ только нѣсколькихъ отрывковъ сказки „Мулла-Насыръ-Эддинъ“, которые я счелъ необходимымъ оставить, хотя они находятся и въ „Букварѣ“. Поступить иначе я не могъ въ виду значенія „Муллы-Насыръ-Эддина“, какъ самаго любимаго чеченцами предмета для перерсказовъ въ часы досуга. Надо сказать, что нѣтъ почти чеченца, который бы не зналъ двухъ-трехъ эпизодовъ изъ похожденій сказочнаго муллы; съ другой стороны, трудно также найти чеченца, которому надоѣло бы слушать о муллѣ и его продѣлкахъ. Стоитъ въ компаніи чеченцевъ кому нибудь заговорить о „Насыръ Эддинѣ“—и лица всѣхъ слушателей, до того суровыя и хмурыя, мгновенно оживляются: губы складываются въ улыбку, улыбка свѣтится и въ глазахъ... Компанія тѣснѣе обступаетъ разсказчика, чтобы не проронить ни одного слова. Разсказчикъ ничего остроумнаго еще не сказалъ, а кружокъ уже смѣется

тѣмъ наивно-радостнымъ, заразительнымъ смѣхомъ, какимъ смѣются только чеченцы и дѣти.

При чтеніи сказокъ читатель, разумѣется, замѣтитъ, что многія изъ нихъ не отличаются самобытностью и напоминаютъ собою то наши русскія, то восточныя (персидскія и турецкія) сказки. Иначе и быть не можетъ у народа, не обладающаго ни памятью, ни воображеніемъ и вообще стоящаго на довольно не высокой степени умственнаго развитія. Однако сказки героическія и нѣкоторыя волшебныя, помѣщенныя въ началѣ сборника, а также всѣ легенды должны быть признаны полнымъ достояніемъ самихъ чеченцевъ. Героическія и волшебныя сказки (не заимствованныя), по всей вѣроятности, суть памятники прежнихъ религіозныхъ вѣрованій, фигурирующіе теперь въ сознаніи народа какъ суевѣріе. Легенды въ данномъ случаѣ—проблески народной фантазіи, пришедшіе на помощь пытливости народнаго ума, пораженнаго нѣкоторыми странными или необычайными явленіями окружающей природы. Такихъ легендъ, какъ записанныя мною въ Ичкеріи, много и всѣ онѣ столь же не сложны и наивны, какъ и легенды объ образованіи озера Эзень-амъ или о построеніи Хорачоевской башни. Печатаемыя героическія сказки и легенды принадлежатъ Ичкеринцамъ и неизвѣстны въ плоскостной Чечнѣ, гдѣ ихъ замѣняютъ другія. Остальныя сказки не принадлежатъ ни одному обществу въ отдѣльности, а разсказываются въ разныхъ мѣстахъ Чечни, куда, надо полагать, онѣ были занесены извнѣ и гдѣ, окрашенныя въ мѣстный колоритъ, пріобрѣли право гражданства. Интересъ этихъ сказокъ заключается именно въ ихъ окраскѣ, въ тѣхъ чертахъ быта чеченцевъ и въ тѣхъ оттѣнкахъ склада народнаго ума, которые естественно должны пробиваться сквозь фабулу разсказовъ. Интересъ этотъ могъ-бы заключаться также и въ языкѣ сказокъ, если бы... Но здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ о языкѣ чеченцевъ вообще и тогда само собою выяснится, почему сохраненіе въ переводѣ формъ и оборотовъ чеченской рѣчи оказывалось крайне труднымъ, а часто и невозможнымъ.

Языкъ чеченца—грубо-варварскій языкъ. Словъ въ немъ очень немного и группировка ихъ весьма однообразна. Краткость его можетъ быть сравнена съ краткостью языка ребенка, вынужденнаго прибѣгать для поясненія своихъ немногихъ словъ къ слезамъ, крику, показыванію предметовъ рученками и разнымъ мимическимъ тѣлодвиженіямъ. Чеченецъ ни къ слезамъ, ни къ крику не прибѣгаетъ, но въ замѣнъ того онъ уснащаетъ свою рѣчь массою междометій и поясняетъ

ее выразительною мимикою лица *). На языкѣ чеченцевъ крайне трудно выразить сколько нибудь сложное понятіе, или болѣе или менѣе тонкіе оттѣнки мыслей и чувствъ. Какъ всѣ младенческіе языки, чеченскій языкъ образенъ и мѣтокъ, но лишь въ предѣлахъ самыхъ элементарныхъ понятій; для выраженія-же понятій высшаго порядка, ему, помимо недостаточности въ немъ словъ, не достаетъ и эластичности языковъ образованныхъ народовъ. Поясню примѣромъ. Когда чеченецъ говоритъ о чемъ нибудь чрезвычайно простомъ, напр. какъ онъ угостился у своего пріятеля (кунака), какъ застрѣлилъ кабана и проч.— вы смотрите на него и удивляетесь: передъ вами ораторъ, съ рѣчью и жестикуляціею, полными красоты и какого-то величія. Но тотъ-же чеченецъ, усиливаясь убѣдить васъ, что вы имѣете дѣло съ честнымъ человѣкомъ и можете довѣриться ему, или что его оклеветали враги его, является совсѣмъ другимъ. Онъ говоритъ, говоритъ, говоритъ... и въ концѣ концовъ оказывается, что въ продолженіе часа по двадцати разъ повторялись однѣ и тѣ-же несложныя фразы, только отчасти намекавшія на чувства и мысли говорящаго. Понятно, что обладая такимъ плохимъ орудіемъ для передачи своихъ мыслей, чеченецъ и сказки разсказываетъ чрезвычайно нескладно; онъ безпрестанно повторяетъ различные эпизоды, имѣющіе нѣкоторое сходство между собою, передаетъ одними и тѣми-же словами и оборотами и при этомъ самые эпизоды пересказываетъ кратко, не соблюдая между ними никакой связи. Оттого, если слушать такого разсказчика не совсѣмъ внимательно, то часто кажется, будто онъ бросилъ одинъ разсказъ и перескочилъ къ другому новому. Въ такомъ нескладномъ видѣ сказки и легенды чеченцевъ вовсе не могли-бы появиться въ печати, такъ какъ безобразная форма лишила бы ихъ всякаго интереса. Вотъ почему я вынужденъ былъ пересказывать ихъ въ формѣ болѣе сообразной съ требованіями русскаго языка и логическаго мышленія. Однако поступая такъ, я по мѣрѣ силъ старался въ существенномъ не отступать отъ подлинныхъ разска-

*) Лингвисты, прислушивавшіеся къ языку чеченцевъ, говорятъ, что въ немъ много исковерканныхъ словъ арабскихъ, персидскихъ, татарскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ. Въ дѣлѣ, по которому не существуетъ никакихъ научныхъ изслѣдованій, позволительны догадки и гипотетическія мнѣнія. На этомъ основаніи беру на себя смѣлость высказать предположеніе, что нынѣшній чеченскій языкъ явился на свѣтъ въ качествѣ международнаго или междуплеменнаго языка среди населенія чеченскихъ лѣсовъ, состоявшаго первоначально изъ многихъ разнородныхъ и разноязычныхъ фамильныхъ группъ. Подобный языкъ, какъ извѣстно, формировался на нашихъ глазахъ во время войны съ горцами для удовлетворенія потребности въ сношеніяхъ между чеченцами и нашими солдатами.

Авторъ.

зовъ. Фабулы сказокъ и легендъ сохранены мною во всей неприкосновенности; характерныя выраженія разскащиковъ по возможности переведены точно, эпизодическихъ вставокъ никакихъ не сдѣлано, что-же касается до пропусковъ, то они въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказались неизбѣжными или потому, что ими безъ надобности растягивались разсказы, или вслѣдствіе циничности выброшенныхъ мѣстъ.

Въ заключеніе обращаю вниманіе читателя на нравственно-педагогическое значеніе предлагаемыхъ народныхъ сказаній. Кромѣ того, что всѣ сказки и легенды проникнуты полною наивностью, значительная часть ихъ отличается еще нравственно-поучительнымъ характеромъ; въ одной сказкѣ дается примѣръ униженія хвастуна, въ другой жестоко наказывается зависть и жадность (сказка про трехъ братьевъ); одна оканчивается униженіемъ проклятаго и злого Ногая и торжествомъ его слабаго и благодушнаго противника, другая чрезвычайно ярко рисуетъ сцену соревнованія въ порывахъ великодушія въ виду опасности (сказка про Парсдала и Целису), а въ третьей ставятся разные мудреные вопросы и разрѣшаются въ возвышенно-нравственномъ смыслѣ и т. д. Этотъ характеръ сказокъ объясняется конечно, главнымъ образомъ, заимствованностью сюжетовъ, а отчасти и тѣмъ, что онѣ записывались по преимуществу въ Нагорной Чечнѣ, гдѣ народъ все-же благодушнѣе чѣмъ на плоскости. Какъ бы то ни было, но если сказки, наивныя по формѣ, еще весьма нравственны по содержанію, онѣ пріобрѣтаютъ также значеніе полезнаго и поучительнаго чтенія, хотя бы напр. для дѣтей и народа. (Кавказскихъ горцевъ).

I.

СКАЗКИ БОГАТЫРСКІЯ И ВОЛШЕБНЫЯ.

I.

Сказка про то, какіе на свѣтѣ жили могучіе великаны и богатыри.

(Записана въ Ичкеріи.)

Давно, очень давно, когда не только насъ не было на свѣтѣ, но даже нашихъ отцовъ и дѣдовъ, на одной горѣ жилъ человѣкъ по имени Говда. Сила у Говда была такая, что никто изъ жившихъ въ сосѣдствѣ съ нимъ не смѣлъ не то что обидѣть его, но даже затронуть неосторожнымъ словомъ Только зазнался онъ очень и сталъ хвалиться, что и на всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка сильнѣе его. Слушала, слушала жена, какъ хвастается ея мужъ, да разъ не утерпѣла и говоритъ ему: „Напрасно ты, Говда, такъ хвалишься своей силой; слышала я, что на свѣтѣ есть богатыри куда сильнѣе тебя!“ Разсердился Говда на жену за то слово и крикнулъ ей: „Ну такъ собери-же меня въ дорогу! Вотъ я объѣду весь свѣтъ и посмотрю, кто поспоритъ со мною силой!“ Жена собрала мужа въ дорогу: осѣдлала ему коня, подала оружіе, плеть—и Говда сѣлъ на коня и поѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ онъ, сколько времени, того и самъ сказать не могъ—и подъѣхалъ къ одному городу. Въ самомъ крайнемъ дворѣ города онъ увидѣлъ посреди двора столбъ съ кольцами для привязи лошадей, а около столба стояло семь осѣдланныхъ коней. Говда заѣхалъ въ дворъ, около другихъ коней поставилъ и своего коня и направился къ кунацкой; однако не сдѣлалъ онъ и нѣсколькихъ шаговъ, какъ дверь кунацкой отворилась и изъ нея вышли семь великановъ, да такихъ, какихъ храброму Говда никогда и во снѣ не приходилось видѣть. Одинъ изъ великановъ подошелъ къ нашему богатырю, подхватилъ

его на руки и какъ щепку перебросилъ къ другому великану, другой такимъ-же образомъ перебросилъ его къ третьему, третій къ четвертому и такъ далѣе, пока Говда не очутился на рукахъ послѣдняго, седьмого великана. Этотъ осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и крикнулъ остальнымъ: „Отлично! теперь намъ незачѣмъ хлопотать о закускѣ: вотъ она сама пришла къ намъ!“ И сказалъ еще: “Раскладывайте поскорѣе огонь и приготовимъ себѣ завтракъ“. Надо сказать, что эти великаны были идолопоклонники и людоѣды. На счастье Говда, его замѣтила мать великановъ и сжалилась надъ нимъ: она выбѣжала изъ сакли, вырвала изъ рукъ сыновей и отпустила, сказавъ: „Бѣги скорѣе, а то они тебя съѣдятъ.“ Говда не заставилъ себя долго просить: вскочилъ на своего коня и поскакалъ, что было духу. Скакалъ, скакалъ онъ — и заслышалъ вдругъ сзади себя конскій топотъ: оглянулся—а это великаны скачутъ за нимъ въ погоню должно быть,— не хотѣлось имъ остаться безъ закуски. Богатырь нашъ страшно испугался и поскакалъ еще шибче, но великаны тоже не отставали и навѣрное нагнали-бы его, если-бы онъ не наѣхалъ вдругъ, въ лѣсу, на одного слѣпаго великана, который стоялъ себѣ и какъ будто отъ нечего дѣлать вырывалъ огромныя деревья съ корнями и приставляя ихъ одно къ другому, устроивалъ себѣ защиту отъ солнца. Говда бросился къ этому великану и взмолился: „О, могучій богатырь! Защити меня отъ злыхъ людоѣдовъ, которые скачутъ за мною въ погоню!“ Слѣпой богатырь сжалился надъ нашимъ силачемъ, взялъ да и сунулъ его къ себѣ въ карманъ, со всѣмъ съ конемъ и оружіемъ. Тѣмъ временемъ къ слѣпому великану подскакали людоѣды и спрашиваютъ его: „Не проѣхалъ ли тутъ всадникъ?“—Кажется, проѣхалъ, отвѣчалъ слѣпецъ и указалъ людоѣдамъ въ одну сторону. Великаны—людоѣды бросились по указанію слѣпца и вскорѣ скрылись изъ виду.

Послѣ того слѣпецъ выпустилъ нашего храбреца изъ кармана, поставилъ его себѣ на ладонь и спрашиваетъ: кто онъ и откуда? Говда разсказалъ все: изъ какого онъ аула и какъ, и почему попалъ въ эту сторону. Усмѣхнулся великанъ, выслушавъ разсказъ Говда, и самъ началъ такъ: „Насъ было семь братьевъ и мы тоже думали, что такихъ силачей, какъ мы, нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Вотъ и пустились мы, какъ

ты-же, путешествовать, искать по свѣту—кто-бы могъ осилить насъ. Пріѣхали мы въ одинъ городъ и встрѣтили тамъ такихъ великановъ, противъ которыхъ мы сами казались мальчиками. Великаны переловили насъ и хотѣли убить, но пока они рѣшали это дѣло, мы вскочили на своихъ коней и ускакали. Великаны поскакали за нами въ погоню и навѣрное бы опять изловили насъ, если бы къ счастію нашему мы не замѣтили впереди себя, въ степи, огромной человѣческой головы. Какъ въ ворота въѣхали мы въ нее черезъ раздвинутыя челюсти и размѣстились въ ней съ нашими конями и оружіемъ. Подскакали къ головѣ великаны и начали разыскивать насъ; искали, искали и не нашли, такъ мы хорошо спрятались. Великаны какъ-будто уѣхали, но мы все-таки боялись выглянуть на свѣтъ Божій и просидѣли въ головѣ вплоть до полудня. Въ полдень къ мѣсту, гдѣ лежала голова, какой-то пастухъ пригналъ свое стадо. Замѣтивъ голову, онъ подошелъ къ ней, осмотрѣлъ и произнесъ: „Какая хорошая кость, возьму-ко ее и повѣшу передъ своимъ шалашомъ, какъ пугало“; потомъ поднялъ голову, какъ камушекъ и понесъ ее одной рукой До самаго вечера пастухъ таскался съ головой, въ которой мы сидѣли, ни живые, ни мертвые, но къ вечеру голова ему надоѣла что ли, только онъ взялъ да и швырнулъ ее отъ себя. Она отлетѣла очень далеко и, попавши на камень, разбилась въ дребезги, при этомъ шестеро братьевъ убились до смерти, а мнѣ только вышибло глаза осколками головы или камнями.

— Такъ-то вотъ товарищъ закончилъ слѣпой свой разсказъ: много на свѣтѣ сильныхъ богатырей, очень много! Знай это и впередъ не хвастайся своей силой.

Послѣ этихъ словъ слѣпой богатырь спустилъ нашего богатыря съ ладони и отпустилъ его домой. Говда, поблагодаривъ богатыря, поскакалъ домой шибче чѣмъ олень скачетъ отъ волковъ—и радъ былъ, что живъ остался, а силою своей уже больше не хвастался.

II.

Сказка про колдуній—великаншъ.

(Записана въ Ичкеріи).

Когда-то жили три брата—страстные охотники. Однажды отправились они въ лѣсъ поохотиться на звѣрей. Проходили они по лѣсу цѣлый день и ужъ должно быть ихъ счастье такое было—ничего не убили. Наконецъ, къ вечеру Богъ сжалился надъ ними и послалъ имъ дикую козу. Старшій братъ прицѣлился и выстрѣлилъ—коза только подпрыгнула на мѣстѣ и тутъ же упала, раненая прямо въ сердце. Подняли братья свою добычу и отправились съ нею домой. Шли, шли они, а лѣсъ все гуще и гуще—какой нибудь дороги и слѣдовъ нѣтъ. Догадались охотники, что заблудились и думаютъ: что намъ теперь дѣлать? Въ это время одинъ изъ нихъ замѣтилъ вдали пещеру; братья обрадовались и отправились къ ней въ надеждѣ на спокойный ночлегъ. Только подходятъ они къ пещерѣ, а на встрѣчу имъ—откуда ни возмись—выходятъ три страшныя одноглазыя женщины—великанши. Братья испугались и остановились, не зная что дѣлать; но великанши подошли къ нимъ и сказали: „Вы не бойтесь насъ; пещера эта—наше жилище. Будьте нашими гостями.“ Охотники приняли приглашеніе великаншъ и пошли вслѣдъ за ними въ пещеру, а когда вошли, то старшій изъ нихъ взялъ убитаго имъ козла и отдаетъ его женщинамъ, говоря: „Вотъ Богъ послалъ намъ добычу, возьмите ее и приготовьте ужинъ.“ —Ой! произнесла старшая женщина—это была мать остальныхъ двухъ,—на что намъ вашего козла? Развѣ мы не найдемъ, чѣмъ поужинать!“ Сказавъ это, она обратилась къ своимъ дочерямъ и велѣла имъ привести изъ лѣсу какого нибудь звѣря Дочери вышли изъ пещеры и черезъ нѣкоторое время вернулись, таща за собою дикую серну. Серну зарѣзали и начали готовить ужинъ, а когда онъ былъ готовъ, то сестры пригласили своихъ гостей ужинать, сказавъ имъ при этомъ: „Костей серны не разбрасывайте и складывайте ихъ въ одну кучу“.—Тутъ что нибудь

не ладно, подумалъ одинъ изъ братьевъ и незамѣтно для сестеръ взялъ да и засунулъ за пазуху лопатку серны. Когда поужинали, женщины великанши стали собирать кости и видятъ: одной лопатки не достаетъ. Не сказавъ братьямъ ни слова, они взяли кусокъ дерева, сдѣлали изъ него другую лопатку, затѣмъ кости съ деревянною лопаткою сложили и вложили въ шкуру серны такъ же, какъ они были въ живой сернѣ и крикнули: „Серна вернись въ лѣсъ“. Серна ожила, и выскочивъ изъ пещеры скрылась въ лѣсу.

Братья переночевали у сестеръ и на другое утро, поблагодаривъ ихъ за гостепріимство, отправились опять на охоту Когда они уже выходили изъ лѣсу, наскакиваетъ на нихъ вдругъ серна. Средній братъ прицѣлился изъ своего ружья, раздалось: т а у! и серна упала, убитая на повалъ. Теперь братья уже не мѣшкали; поднявъ свою добычу, они отправились съ нею домой, и пришедши, тотчасъ же велѣли приготовить ее на ужинъ. Въ аулѣ между тѣмъ узнали о прибытіи охотниковъ и начали собираться въ ихъ домъ— освѣдомиться: какъ шла охота и обо всемъ другомъ. Одинъ по одному сошлись родственники и всѣ хорошіе знакомые братьевъ и по обычаю сѣли съ ними ужинать. Ужинаютъ,— вдругъ одинъ изъ гостей вытаскиваетъ изъ мяса серны деревянную лапатку и показываетъ ее собравшимся. Тутъ только братья догадались, какая серна попалась имъ сегодня подъ выстрѣлъ и разсказали объ этомъ своимъ гостямъ. А такъ какъ не всѣ повѣрили имъ сразу, то они показали своимъ гостямъ и лопатку серны, спрятанную однимъ изъ нихъ наканунѣ вечеромъ за ужиномъ у проклятыхъ колдуній—великаншъ.

III.

Сказка про трехъ братьевъ.

(Записана въ Ичкеріи).

Въ прежнія времена въ одномъ аулѣ жилъ одинъ человѣкъ, имѣвшій трехъ сыновей. Почувствовавъ приближеніе

смерти, человѣкъ этотъ призвалъ къ себѣ сыновей своихъ и сказалъ имъ: «Скоро я умру, дѣти мои любезные! Послѣ моей смерти обязываю васъ поставить на моей могилѣ памятникъ и каждую ночь по очереди ходить его караулить». Когда старикъ умеръ, сыновья, исполняя волю отца, поставили ему на могилѣ памятникъ и условились между собою, что въ первую ночь караулить его пойдетъ старшій братъ, во вторую—средній, а въ третью—младшій. Наступила первая ночь и старшій братъ, захвативъ оружіе, отправился на кладбище; пришелъ, сѣлъ около памятника и сидитъ; просидѣлъ онъ такъ до полуночи. Въ полночь вдругъ прилетѣла на кладбище страшная тьма *): старшій братъ испугался и бросился бѣжать безъ оглядки, а на утро пришелъ домой и сказалъ братьямъ, что продежурилъ всю ночь, но ничего особеннаго не видалъ.

На другую ночь пошелъ на кладбище средній братъ. До полуночи онъ просидѣлъ у памятника спокойно; но въ полночь откуда ни возмись прилетѣли къ памятнику двѣ страшныя тьмы; испугавшись ихъ, средній братъ бросился съ кладбища, какъ испуганный конь, а на утро, вернувшись домой, объявилъ братьямъ, что просидѣлъ у памятника всю ночь, но ничего особеннаго не замѣтилъ.

На третью ночь пошелъ караулить памятникъ младшій братъ. Сидѣлъ онъ около памятника до полуночи; въ полночь видитъ: вдругъ прилетѣли три тьмы въ видѣ коней: коня воронаго, коня сѣраго и коня гнѣдаго. Младшій братъ подкрался къ нимъ и сразу поймалъ ихъ всѣхъ трехъ. И стали кони просить его: «Слушай! отпусти ты насъ, мы тебѣ пригодимся. Хочешь, вырви у каждаго изъ насъ по три волоса и спрячь ихъ; если попадешься ты въ бѣду или случится какая надобность у тебя, то брось только въ огонь три волоса и тотъ изъ насъ, у котораго они вырваны, явится къ тебѣ въ ту-же минуту.» Младшій братъ согласился на просьбу коней: вырвалъ у нихъ у каждаго по три волоса и самихъ отпустилъ, а потомъ, пошелъ себѣ домой.

Въ то время въ одномъ городѣ жилъ богатый князь, у котораго было три дочери, всѣ чудесной красоты.

Однажды князь велѣлъ своимъ холопамъ вырыть глубо-

*) Тьма—темная, нечистая сила.

кій ровъ и спустить въ него трехъ большихъ барановъ. Когда-же это было готово, онъ объявилъ по всѣмъ ауламъ и хуторамъ, чтобы всѣ, находящіеся подъ его властью, явились къ нему на коняхъ и съ оружіемъ. «Кто же осмѣлится не явиться—объявилъ онъ еще,—тому я отрублю голову.» А сзывалъ онъ народъ, чтобы устроить скачку и каждому изъ наѣздниковъ, который на всемъ скаку вытащитъ изо рва барана, отдать въ замужество одну изъ своихъ дочерей. Слухъ объ этомъ прошелъ по всѣмъ сосѣднимъ землямъ; дошелъ и до нашихъ трехъ братьевъ. Вотъ старшіе два брата стали собираться въ дорогу, намѣреваясь участвовать въ скачкѣ. Младшій, замѣтивъ это, говоритъ имъ: «Возьмите и меня съ собою.»—Куда тебѣ, дураку этакому, ѣхать съ нами! крикнули на него братья.—Знай, сиди себѣ дома, около камина, а скучно будетъ, такъ рубаху свою обчищай *),—сами же сѣли на коней и уѣхали. Только что старшіе братья скрылись изъ виду, младшій бросилъ въ огонь три волоса—и въ ту-же минуту явился предъ нимъ вороной конь, осѣдланный, съ оружіемъ и платьемъ для всадника. Младшій братъ одѣлся, сѣлъ на коня и въ мигъ прискакалъ ко рву, удививъ весь собравшійся народъ своимъ конемъ, оружіемъ и одеждой.

Между тѣмъ, по приказанію князя, наѣздники начали по очереди перескакивать черезъ ровъ, чтобы вытащить барана. Много было отличныхъ наѣздниковъ и хорошихъ коней, однако сколько они ни бились, а вытащить барана никому не удалось. Послѣ всѣхъ подскакалъ ко рву младшій братъ, и въ мигъ и ровъ перескочилъ, и барана вытащилъ. Народъ похвалилъ удальца за молодечество, а князь женилъ его на своей старшей дочери и отпустилъ домой. Младшій братъ взялъ свою жену, сѣлъ на коня и ускакалъ домой, а прискакавши—жену, оружіе, платье—все спряталъ, коня отпустилъ, затѣмъ одѣлся въ свою старенькую одеженку и сѣлъ въ углу сакли, какъ-бы ничего съ нимъ и не бывало. Когда пріѣхали домой старшіе братья, онъ спрашиваетъ ихъ: «Кому досталась старшая дочь князя?»—А тебѣ, дураку, какое дѣло—кому она досталась?—крикнулъ на него старшій братъ—и больше съ нимъ и говорить не сталъ.

*) Намекъ на обычное занятіе многихъ чеченцевъ въ часы досуга, при которомъ съ чрезвычайною ловкостью истребляется масса насѣкомыхъ.

На другой день старшіе братья опять собрались ѣхать на состязаніе къ князю. Младшій братъ еще сильнѣе проситъ ихъ взять его съ собою, но они только выругали его и бросили дома, а сами сѣли на коней и уѣхали. Только что братья скрылись изъ виду, младшій братъ бросилъ въ огонь три волоса и въ туже минуту передъ нимъ явился сѣрый конь, съ хорошимъ сѣдломъ, платьемъ и оружіемъ. Младшій братъ одѣлся, сѣлъ на коня и поскакалъ ко рву. Когда онъ прискакалъ, всѣ уже перепробовали вытащить изъ рва барана, но никто въ этомъ не успѣлъ. Младшій братъ только гикнулъ: конь его понесся какъ стрѣла и въ одинъ мигъ перескочилъ черезъ ровъ, а всадникъ въ тотъ же мигъ вытащилъ барана за шею. Народъ закричалъ отъ удивленія, а князь выдалъ за молодца замужъ свою среднюю дочь и отпустилъ ихъ домой. Какъ и въ первый разъ, младшій братъ раньше всѣхъ прискакалъ домой, потомъ все—жену, оружіе, платье—спряталъ въ потайное мѣсто, коня отпустилъ, надѣлъ на себя старенькую одеженку и сѣлъ около камина. Пришли домой старшіе братья, онъ и спрашиваетъ ихъ: „Кто выигралъ среднюю дочь князя?“ Братья ужасно разсердились на него за этотъ вопросъ и начали бить его, приговаривая: „Не лѣзь, дуракъ, съ своими глупыми вопросами! Знай—сиди себѣ молчи!“

Наступилъ третій день и старшіе братья въ третій разъ собираются ѣхать ко рву. Младшій опять проситъ ихъ взять его съ собою, но они объ этомъ и слышать не хотятъ, обругали его и уѣхали. Только что братья скрылись изъ виду, младшій братъ бросилъ въ огонь три волоса и въ ту же минуту передъ нимъ явился гнѣдой конь, отлично осѣдланный, съ дорогимъ оружіемъ и платьемъ. Младшій братъ одѣлся, сѣлъ на коня—и въ ту же минуту былъ около рва. На этотъ разъ вся площадь передъ рвомъ была покрыта всадниками, съѣхавшимися на состязаніе. Отличныхъ коней насчитывалось сотни, а превосходныхъ наѣздниковъ—тысячи, и все-таки никто вытащить барана изо рва не могъ. Младшій-же братъ, какъ и въ первые два раза, мигомъ перескочилъ черезъ ровъ и вытащилъ барана за шею, возбудивъ въ народѣ еще большее удивленіе, чѣмъ въ первые два раза. Князь отдалъ ему въ жены свою младшую дочь и съ больши-

ми подарками отпустилъ его домой. Младшій братъ сѣлъ на коня и опять ускакалъ раньше всѣхъ, а когда пріѣхалъ домой, то жену, оружіе, платье и подарки спряталъ, коня отпустилъ, и затѣмъ сѣлъ въ своемъ углу сакли, какъ будто нигдѣ и не былъ. Пріѣхали домой его старшіе братья,—онъ и спрашиваетъ ихъ „Кто выигралъ младшую дочь князя?“ Братьевъ такъ разсердилъ этотъ вопросъ дурака, что они накинулись на него и хотѣли избить его до полусмерти, но на этотъ разъ онъ не позволилъ имъ такой расправы съ собою, а взялъ да и открылъ свой секретъ, т. е. что никому другому, а ему, младшему брату, достались въ жены всѣ три дочери князя, а чтобы братья не сомнѣвались въ его словахъ, повелъ ихъ въ свое потайное мѣсто и показалъ и женъ своихъ, и много всякаго другаго добра.

Удивились братья всему видѣнному въ потайномъ мѣстѣ и помня, какъ они били и ругали младшаго брата, почувствовали большое смущенье, но младшій братъ всячески успокоивалъ ихъ, говоря: „Не печальтесь, братья! Хоть вы и пренебрегаете мной, но Богъ меня не оставилъ безъ своей помощи.“

Однако братья никакъ не могли успокоиться: стыдно имъ было, что младшій братъ перехитрилъ ихъ, да и завидно, что у него есть и жены—красавицы, и платье, и оружіе, у нихъ-же этого ничего нѣтъ. И задумали они погубить своего ненавистнаго брата, а погубивши, завладѣть его женами и прочимъ добромъ. Вотъ однажды приходятъ они къ нему и говорятъ: „Ты, братъ нашъ, самый отважный между нами, такъ поѣзжай на тотъ свѣтъ къ нашей покойной матери и спроси ее: куда она передъ смертью спрятала деньги, оставленныя намъ отцомъ въ наслѣдство? И сказали ему еще :„А когда узнаешь отъ нея, что нужно, пріѣдешь и скажешь намъ: мы добудемъ деньги и раздѣлимъ ихъ между собою по ровну и будемъ мы богаче всѣхъ на свѣтѣ.

Младшій братъ согласился и поѣхалъ. Долго-ли—коротколи онъ ѣхалъ, и напалъ вдругъ на слѣдъ соболя. Не сворачивая ни вправо, ни влѣво, поѣхалъ онъ по этому слѣду, да какъ разъ и пріѣхалъ на тотъ свѣтъ, гдѣ тотчасъ-же повстрѣчался съ покойной матерью. Спрашиваетъ его покойная: „за какимъ дѣломъ пріѣхалъ ты ко мнѣ, сынъ мой?“ Гово-

ритъ ей младшій братъ: „посланъ я братьями спросить тебя: куда ты спрятала наши деньги—отцовское наслѣдство? — „Ойи! обманомъ живутъ братья твои, сказала ему мать,— не затѣмъ они послали тебя ко мнѣ, а затѣмъ, что бы погубить тебя и завладѣть всѣмъ, что ты имѣешь. Такъ не будетъ имъ счастья за это!“ Затѣмъ она сказала еще: „возвращайся, сынъ мой, домой и когда пріѣдешь, разрой землю передъ каминомъ въ саклѣ: тамъ ты найдешь кувшинъ, полный серебра и золота. И серебро, и золото возьми себѣ, а братьямъ скажи: смущенье на ваши лица, (*) тогда они окаменѣютъ и ты заживешь себѣ счастливо“.

Какъ мать велѣла, такъ младшій братъ и сдѣлалъ Вернувшись съ того свѣта домой, онъ вырылъ изъ земли передъ каминомъ въ саклѣ кувшинъ съ серебромъ и золотомъ и взялъ его себѣ, братьямъ-же сказалъ: „Смущенье на ваши лица“ и они въ ту же минуту окаменѣли. Про случай этотъ дѣдушка мой слышалъ отъ своего дѣдушки, которому его разсказывалъ его дѣдушка, отецъ слышалъ отъ дѣдушки, а я отъ отца.

IV.

Сказка про молодца чеченца и богатыря Ногая.

(Записана въ Ичкеріи).

Въ незапамятныя времена въ одномъ аулѣ жилъ хорошій старикъ, у котораго было три сына и три дочери. Дочерей своихъ онъ повыдавалъ въ замужество: старшую за Орла, среднюю за Сокола, а младшую за Оленя. Почувствовавъ приближеніе смерти, старикъ призвалъ къ себѣ сыновей своихъ и далъ имъ такой завѣтъ: „послѣ моей смерти,

(*) Таково въ буквальномъ переводѣ подлинное выраженіе разскащика.

если когда случится, что народъ будетъ собираться на войну, вы должны всѣ трое участвовать въ войнѣ, каждый на хорошемъ конѣ и при хорошемъ оружіи".

Скоро послѣ этого старикъ умеръ, а чеченскій народъ собрался на войну противъ другаго сосѣдняго народа. Братья, исполняя завѣтъ отца, вооружились, сѣли на коней и поѣхали. Ѣхали они цѣлый день и къ вечеру пріѣхали на одно мѣсто, гдѣ и расположились ночевать. Нужно было разложить костеръ, а огня они съ собою не захватили. Вотъ старшій братъ и крикнулъ младшему: „Молодой человѣкъ! сядь на коня и съѣзди посмотрѣть: нельзя-ли гдѣ раздобыться огнемъ!" Младшій братъ сѣлъ и поѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ онъ и замѣтилъ, что вдали, въ камышахъ, какъ будто сверкнулъ огонь; направился онъ на этотъ огонь и какъ разъ наѣхалъ на пылающій костеръ, около котораго молча сидѣли три дѣвушки красавицы. Позади дѣвушекъ, поодаль, стоялъ злой духъ, не спускавшій съ нихъ своего противнаго глаза. Не раздумывая долго, младшій братъ вынулъ шашку изъ ноженъ, подскакалъ къ проклятому духу и однимъ ударомъ положилъ его на мѣстѣ. Потомъ онъ подъѣхалъ къ костру, забралъ всѣхъ трехъ красавицъ, захватилъ также огня и помчался съ ними на то мѣсто, гдѣ оставилъ своихъ братьевъ. Пріѣхалъ и кричитъ братьямъ: „вотъ Богъ послалъ мнѣ добычу—принимайте ее!" Увидѣвъ такихъ красавицъ, какихъ похитилъ братъ, братья только крикнули отъ удивленья и тотчасъ же разобрали ихъ себѣ въ жены, а разобравши, тутъ же поженились на нихъ и ради такого случая устроили большой пиръ, съ пѣснями, танцами, стрѣльбой... Пока братья такъ пировали,—откуда ни взялся—подъѣхалъ къ нимъ одноглазый Ногай, здоровый, сильный, однимъ словомъ великанъ-богатырь. Конь подъ Ногаемъ былъ трехногій, но скакалъ такъ скоро, какъ скоро летитъ стрѣла, пущенная изъ лука. Ногай сказалъ привѣтствіе и присѣлъ къ огню, будто хочетъ погрѣться и повеселиться въ хорошей компаніи, а самъ, улучивъ минуту, схватилъ жену младшаго брата, вскочилъ съ нею на своего трехногаго—да и былъ таковъ. Когда братья замѣтили дѣло Ногая, того уже и слѣдъ простылъ. Младшій братъ не раздумывая долго, вскочилъ на своего коня и помчался въ погоню за похитителемъ. Долго-

ли, коротко-ли онъ скакалъ и прискакалъ къ одной рѣчкѣ. Здѣсь конь его отъ усталости упалъ и издохъ. Не зная, что дѣлать, младшій братъ снялъ съ павшаго коня сѣдло, уздечку и сѣлъ на берегу рѣчки, ожидая помощи отъ Бога. Много-ли мало-ли онъ сидѣлъ такъ, только увидѣлъ, что къ рѣчкѣ подходитъ одна красивая женщина съ кувшиномъ за плечами. Присмотрѣвшись къ женщинѣ, онъ узналъ въ ней свою старшую сестру, вышедшую замужъ за Орла. Женщина также узнала его, очень ему обрадовалась и пригласила его къ себѣ въ гости. Пошли они въ жилище Орла. Здѣсь братъ разсказалъ сестрѣ о своемъ несчастіи, а та накормила, напоила его и спать уложила, сама же сѣла ожидать прибытія мужа. Въ полночь надъ жилищемъ послышался страшный шумъ и вслѣдъ за тѣмъ въ него влетѣлъ Орелъ, обремененный большой добычей. Только что влетѣлъ онъ, какъ крикнулъ: „Кто у тебя тутъ, жена? Я слышу противный духъ не нашей родины!“ Жена отвѣчаетъ: „Не гнѣвайся, мой господинъ! Я приняла къ себѣ въ гости роднаго брата, съ которымъ случилось большое несчастье“—и потомъ разсказала мужу все, что знала о несчастіи брата. Орелъ успокоился, поужиналъ и легъ спать, а утромъ далъ шурину хорошаго коня и тотъ опять поскакалъ въ догонку за Ногаемъ. Скакалъ онъ цѣлый день и къ вечеру опять доскакалъ до одной рѣчки, гдѣ конь его отъ усталости упалъ и издохъ. Младшій братъ снялъ съ коня сѣдло, уздечку и сѣлъ на берегу, положившись на Бога.

Много-ли—мало-ли онъ просидѣлъ такъ и увидѣлъ, что къ рѣчкѣ подходитъ красивая женщина съ кувшиномъ на спинѣ. Присмотрѣвшись съ женщинѣ, онъ узналъ въ ней свою среднюю сестру, вышедшую замужъ за Сокола. Сестра тоже узнала брата и, обрадованная встрѣчей, пригласила его къ себѣ въ гости. Вошли они въ жилище Сокола. Братъ разсказалъ сестрѣ о приключившемся съ нимъ несчастіи, а сестра накормила, напоила его и спать уложила; сама же сѣла на порогъ сакли ожидать мужа. Въ полночь надъ жилищемъ послышался шумъ и, вслѣдъ за тѣмъ въ него влетѣлъ Соколъ; влетѣлъ онъ и крикнулъ: „Кто у тебя тутъ, жена? Я слышу противный духъ не нашей родины!“ Жена говоритъ мужу: „Не сердись, о мой мужъ! Приняла я къ себѣ на ночлегъ роднаго брата, съ которымъ случилось большое не-

счастье.“ Соколъ успокоился, поужиналъ и легъ спать, на утро же снабдилъ шурина хорошимъ конемъ и отпустилъ его догонять одноглазаго Ногая. Младшій братъ сѣлъ и поскакалъ.

Ѣхалъ онъ цѣлый день, отъ зари до зари, и доѣхалъ до третьей рѣчки. Здѣсь конь его отъ усталости упалъ и издохъ. Младшій братъ снялъ съ коня сѣдло, уздечку и сѣлъ на берегу рѣки, въ ожиданіи помощи отъ Всемогущаго. Пока онъ сидѣлъ такъ, подходитъ къ рѣчкѣ красивая женщина, съ кувшиномъ на спинѣ. Младшій братъ присмотрѣлся къ женщинѣ и угадалъ, что это его младшая сестра, вышедшая замужъ за Оленя. И братъ, и сестра оба обрадовались неожиданной встрѣчѣ и пошли въ жилище Оленя. По приходѣ туда, братъ разсказалъ сестрѣ, какъ и почему онъ попалъ въ эту сторону, а сестра, выслушавъ разсказъ брата, накормила, напоила его и спать уложила, сама же сѣла на порогѣ жилища ожидать прибытія мужа. Въ полночь прибѣгаетъ олень и только что шагнулъ въ жилище, какъ крикнулъ: „Кто у тебя тутъ, жена? Я слышу противный духъ не нашей родины!“ Жена говоритъ мужу такъ и такъ: „ночуетъ у меня родной братъ, съ которымъ случилась такое-то несчастіе“. Олень успокоился, поужиналъ и легъ спать, а утромъ далъ шурину такого коня, что и въ Кабардѣ не сыскать, и младшій братъ опять пустился въ путь на поиски своего врага.

Ѣхалъ онъ долго-ли коротко-ли, доѣхалъ наконецъ до жилища Ногая, въ степныхъ мѣстахъ. Не подъѣзжая къ самому жилищу, младшій братъ разсѣдлалъ своего коня и, стреноживъ, пустилъ его на пастьбу, въ ожиданіи наступленія ночи. Когда наступила ночь, онъ прежде всего осмотрѣлъ свое оружіе, а потомъ, осторожно подобравшись къ жилищу Ногая, заглянулъ въ него: кромѣ его жены, въ жилищѣ никого не оказалось. Младшій братъ, не раздумывая долго, схватилъ свою жену, сѣлъ съ нею на своего коня и помчался домой, что было духу. Вечеромъ возвращается въ свое жилище Ногай и дивится, что жена не выходитъ встрѣчать его. Вошелъ онъ въ жилище—жены и тамъ нѣтъ. Ногай туда—сюда—нѣтъ жены да и только. Расвирѣпѣвъ какъ волкъ, одноглазый побѣжалъ къ

своему трехногому коню и спрашиваетъ его; куда дѣвалась моя жена? Трехногій какъ будто ожидалъ прихода своего хозяина и когда тотъ показался, заговорилъ: „Знаю, что тебя такъ разсердило! Жены твоей нѣтъ, жену твою увезъ ея прежній мужъ, а уѣхали они въ такую-то сторону". Ногай схватилъ свой тяжелый молотъ, вскочилъ на трехногаго и повелѣлъ догонять бѣглецовъ. Прошло не болѣе времени, чѣмъ нужно для совершенія омовенія передъ молитвой, а Ногай уже былъ около бѣглецовъ, и размахнувшись своимъ страшнымъ молоткомъ, спустилъ его на голову младшаго брата: младшій братъ разсыпался, бѣдный, какъ разсыпается чашка, когда ее со всего размаха ударятъ камнемъ. Совершивъ это дѣло, злой Ногай взялъ свою жену и хотѣлъ уже вернуться домой, когда жена начала такъ умолять его: «О мой страшный мужъ, что тебѣ въ томъ, что кости моего перваго мужа будутъ растасканы хищными волками и воронами? Позволь мнѣ собрать ихъ и прикрыть землею!» Одноглазый сжалился надъ женою и позволилъ ей исполнить ея желаніе. Жена собрала кости младшаго брата, но вмѣсто того, что-бы предать ихъ землѣ, взяла, сложила ихъ въ сумку, сумку привязала къ сѣдлу, праздно лежавшему на спинѣ коня ея несчастнаго перваго мужа, и затѣмъ вернулась къ страшному Ногаю. Когда Ногай и жена его уѣхали, конь убитаго, оставшись одинъ, побѣжалъ туда, откуда былъ взятъ, т. е. въ домъ Оленя; прибѣжалъ и остановился посреди двора, около столба, къ которому его постоянно привязывали. Завидѣвъ коня, жена Оленя выбѣжала на дворъ—встрѣтить брата, но вмѣсто брата, нашла за сѣдломъ коня окровавленную сумку, а въ сумкѣ—части человѣческаго тѣла. Тутъ она догадалась, что братъ ея погибъ отъ руки Ногая и сказала объ этомъ мужу. Оба они—и мужъ, и жена сильно огорчились смертію ихъ родственника и не знали, что дѣлать.

На счастье, въ одномъ аулѣ съ Оленемъ жила въ то время одна старая колдунья, которая своимъ колдовствомъ оживляла мертвыхъ. Олень отправился къ ней и сталъ умолять ее оживить покойнаго, обѣщаясь сдѣлать ей за это большое вознагражденіе. Колдунья согласилась, оживила покойнаго, а потомъ сказала ему такое слово: «На морскомъ берегу есть крылатая кобылица, рожающая каж-

дую пятницу по одному крылатому жеребенку. Отправься туда и дождись первой пятницы: какъ только кобылица родитъ жеребенка, ты дай новорожденному три раза пососать молока матери и тогда отними его. На немъ ты доѣдешь до жилища Ногая и отнимешь у одноглазаго свою жену». Младшій братъ поблагодарилъ колдунью за хорошее слово и, отправившись на морской берегъ, сдѣлалъ все такъ, какъ она ему велѣла: дождался рожденія перваго жеребенка и далъ ему три раза пососать молока матери, потомъ вскочилъ на него—это былъ уже не жеребенокъ, а крылатый конь—и велѣлъ доставить себя въ жилище Ногая. Крылатый взвился на воздухъ и въ минуту былъ на мѣстѣ. А случилось такъ, что Ногая опять не было дома. Младшій братъ вошелъ въ его жилище, взялъ свою жену, сѣлъ съ нею на своего коня и только ихъ и видѣли Вечеромъ идетъ въсвое жилище Ногай и опять удивляется, что жена не встрѣчаетъ его. «Не случилось ли опять чего,» думаетъ одноглазый и бѣжитъ къ своему трехногому коню спросить: куда дѣлась его жена? Трехногій говоритъ: «жену твою увезъ ея прежній мужъ, а поѣхали они въ такую-то сторону.» Бѣшенный Ногай вскочилъ на коня и поскакалъ въ догонку за своимъ врагомъ.

Долго-ли, коротко-ли скакалъ трехногій, а догналъ таки крылатаго, только вотъ бѣда: конь Ногая скачетъ по землѣ, а крылатый младшаго брата летитъ по воздуху, не замѣчая погони; когда же онъ увидѣлъ, что за нимъ гонятся, то бросился внизъ, какъ орелъ бросается на добычу, и ударилъ одноглазую собаку своимъ копытомъ; проклятый Ногай разлетѣлся на куски, какъ разлетаются щепки подъ ударомъ топора.... Послѣ того конь младшаго брата опять поднялся на воздухъ и менѣе чѣмъ въ минуту прилетѣлъ на то мѣсто, гдѣ оставались старшіе братья. Здѣсь крылатый остановился, спустилъ своихъ сѣдоковъ и внезапно скрылся. Старшіе братья очень обрадовались, увидѣвъ благополучно вернувшагося къ нимъ младшаго брата съ его добычей. Отправились они всѣ трое въ свой аулъ и здѣсь задали угощенье такое, какого ни прежде, ни послѣ никто не устроивалъ. Меня тоже не забыли, или вѣрнѣе я самъ не забылъ угостить себя жирной бараниной и аракой (водкой).

им. К. Маркса.

V.

Сказка о томъ, какъ ханскій сынъ Шейхъ-Исмаилъ въ погонѣ за одною обманщицею пріобрѣлъ себѣ трехъ женъ.

(*Записана въ Аухѣ*).

Жилъ одинъ ханъ, у котораго былъ сынъ по имени Шейхъ-Исмаилъ. Ханъ имѣлъ табунъ дикихъ лошадей, такихъ дикихъ, что никто не брался пригнать ихъ изъ степи въ селеніе хана. Разъ Шейхъ-Исмаилъ говоритъ своему отцу:

—Я пригоню тебѣ табунъ домой, но съ тѣмъ, что для поѣздки за нимъ въ степь ты дашь своего любимаго коня, которымъ дорожишь болѣе всего на свѣтѣ.

—Пожалуй, бери моего любимаго коня, сказалъ ханъ, но помни: если ты нетолько коня, но одинъ волосъ изъ его шерсти потеряешь, то лучше тебѣ на глаза мнѣ не показываться.

Шейхъ-Исмаилъ сѣлъ на отцовскаго коня и поскакалъ въ степь къ отцовскому табуну; прискакавши, онъ повернулъ табунъ къ селенію и погналъ его домой. Гналъ онъ табунъ цѣлый день, ужь и пора вечерняго богомолья миновала, а отцовскаго селенія все не видать. Шейхъ-Исмаилъ хотѣлъ уже заночевать въ степи, когда вдругъ завидѣлъ въ сторонѣ чей-то хуторъ; обрадованный, онъ погналъ табунъ къ хутору На хуторѣ замѣтили ханскаго сына съ его табуномъ и, вышедши ему на встрѣчу, по обычаю гостепріимства пригласили его ночевать, объяснивъ при этомъ, что хозяйка хутора—дочь сильнаго хана, прекрасная Арапъ-Зенгель. Вскорѣ слуги ханши узнали отъ Шейхъ-Исмаила, кто онъ, куда и зачѣмъ ѣздилъ, и говорятъ ему: «Ты такой молодецъ и притомъ ханскій наслѣдникъ,—женись на нашей госпожѣ; она съ радостью выйдетъ за тебя—это вѣрно.»—Я согласенъ жениться, говоритъ ханскій сынъ,—и въ знакъ того поручаю вамъ взять моего коня (такихъ коней не много на свѣтѣ) и передать его отъ меня въ подарокъ родителямъ моей невѣсты.

Слуги Арапъ-Зенгель тотчасъ исполнили приказаніе гостя: взяли его коня и отвели его къ своей госпожѣ.

Между тѣмъ ханскій сынъ, переночевавъ на хуторѣ, на другой день сѣлъ на другаго коня и погналъ табунъ домой. Только подъѣзжая къ своему селенію, онъ вспомнилъ наказъ родителя насчетъ любимаго коня его и ему стало очень стыдно. Чтобы не показываться на глаза отцу, онъ потихоньку загналъ табунъ въ свой дворъ и затѣмъ скрылся у своихъ знакомыхъ. Видитъ ханъ: табунъ пригнанъ, а сына нѣтъ и говоритъ матери Шейхъ-Исмаила: „Вѣрно сынъ потерялъ моего любимаго коня и поэтому спрятался. Ступай, розыщи и приведи его!“ Мать пошла, розыскала сына и начала упрекать его: зачѣмъ онъ потерялъ отцовскаго коня. Шейхъ-Исмаилъ сознался матери, что любимаго коня хана онъ не потерялъ, а подарилъ родителямъ своей невѣсты, прекрасной и богатой ханши Арапъ-Зенгель. Услышавъ слова сына, мать обрадовалась, побѣжала домой и сообщила ихъ хану, мужу своему. Ханъ тоже остался доволенъ и помирился съ сыномъ.

Черезъ нѣкоторое время Шейхъ-Исмаилъ пригласилъ съ собою нѣсколько товарищей, такихъ-же молодцовъ, какъ онъ самъ, и отправился съ ними на хуторъ своей невѣсты. Ѣхали они цѣлый день и пріѣхали наконецъ на то мѣсто, гдѣ нужно быть хутору, а тамъ и слѣдовъ его не оказалось. Тутъ ханскій сынъ догадался, что его обманули и передъ лицомъ своихъ спутниковъ—товарищей поклялся не возвращаться домой иначе, какъ или мужемъ хитрой Арапъ-Зенгель, или убійцей ея. Давъ эту клятву, онъ простился съ своими товарищами и одинъ поѣхалъ розыскивать обманщицу. Сколько онъ ни ѣхалъ и заѣхалъ въ одну балку (*); смотритъ: на травѣ спитъ всадникъ, подлѣ всадника лежитъ его оружіе, а въ сторонѣ пасется стреноженный конь. Шейхъ-Исмаилъ самъ тоже стреножилъ своего коня, снялъ съ себя оружіе и положилъ его въ изголовьи, потомъ легъ и заснулъ. Черезъ нѣкоторое время проснувшись, онъ видитъ, что спавшаго рядомъ съ нимъ человѣка уже нѣтъ. Сѣлъ онъ на коня и погнался за неизвѣстнымъ ему всадникомъ, а когда догналъ его, то крикнулъ: „или ты не знаешь, что дорожный това-

*) Оврагъ.

рищъ тоже, что братъ родной! *) Зачѣмъ же ты бросилъ меня и уѣхалъ?

—А съ какого времени волка, рыскающаго въ полѣ, начали считать дорожнымъ товарищемъ?—спрашиваетъ неизвѣстный

— Съ того времени, отвѣчаетъ Шейхъ-Исмаилъ,—какъ зайцы такіе, какъ ты, стали оказывать почтеніе волкамъ.

—Храбръ ты на словахъ, говоритъ неизвѣстный,—а не хочешь-ли на дѣлѣ помѣряться со мною силою?

Шейхъ-Исмаилъ принялъ вызовъ и противники, бросившись другъ на друга, начали бороться. Сначала неизвѣстный поборолъ ханскаго сына, но потомъ ханскій сынъ взялъ верхъ надъ своимъ врагомъ и схватилъ его за горло, чтобы задушить, но въ это время у послѣдняго слетѣла шапка съ головы и Шейхъ-Исмаилъ увидѣлъ, что онъ боролся съ женщиной. Тогда онъ плюнулъ и сказалъ: „Женщина, ты обезчестила меня, заставивъ бороться съ тобою!“—Не сердись, сказала женщина въ отвѣтъ,—я дала слово быть женою того, кто сильнѣе меня; ты меня поборолъ и если хочешь, будь мнѣ мужемъ.

Ханскій сынъ согласился жениться на женщинѣ, съ которою боролся, но съ тѣмъ, чтобы свадьба была послѣ возвращенія его домой. „Теперь-же я тороплюсь ѣхать по очень нужному дѣлу“, сказалъ онъ своей невѣстѣ и, простившись съ нею, поѣхалъ дальше

Ѣхалъ онъ мало-ли много-ли и подъѣхалъ къ одному большому дворцу. На обширномъ дворѣ дворца стояла два столба для привязи лошадей: столбъ золотой и столбъ серебряный. Привязавъ свою лошадь къ серебряному столбу, Шейхъ-Исмаилъ вошелъ во дворецъ и очутился въ богато убранной коврами, зеркалами и разной посудой комнатѣ, посреди которой стоялъ столъ, а на столѣ стояли очень хорошія закуски. Людей въ комнатѣ никого не было. Шейхъ-Исмаилъ прежде всего присѣлъ къ столу и закусилъ какъ хотѣлось, а потомъ пошелъ по дворцу розыскивать хозяевъ Переходя изъ комнаты въ комнату, онъ въ одной изъ нихъ увидѣлъ дѣвушку, сидѣвшую у окна и смотрѣвшую на дорогу. Подойдя къ дѣвушкѣ, онъ извинился за то, что са-

*) Таковъ коренной взглядъ чеченцевъ на дорожнаго товарища.

мовольно закусилъ у нея въ домѣ и затѣмъ спросилъ: „Гдѣ-же тѣ люди, для которыхъ была приготовлена эта закуска?“ Дѣвушка, взглянувъ на него глазами, полными слезъ, печально сказала: „Здѣсь живутъ со мною семь моихъ братьевъ; всѣ они отправились на войну противъ одного могучаго хана,—и о томъ, кто изъ нихъ вернется, а кто нѣтъ—про то одинъ Богъ знаетъ“. „Дѣвушка, мнѣ очень жаль тебя, говоритъ Шейхъ-Исмаилъ, но укажи мнѣ дорогу къ тому мѣсту, гдѣ воюютъ твои братья.“ Дѣвушка повела его на самую высокую башню дворца и оттуда указала дорогу къ мѣсту войны. „Прощай“, сказалъ Шейхъ-Исмаилъ дѣвушкѣ, сѣлъ на своего коня и поскакалъ по указанной ему дорогѣ. Вскорости онъ увидѣлъ передъ собою поле, а на полѣ войска, расположенныя двумя лагерями; въ одномъ лагерѣ было много шалашей и палатокъ, другой-же составляли всего семь палатокъ. Догодавшись, что послѣдній лагерь принадлежитъ семи братьямъ, Шейхъ-Исмаилъ направился къ нему и прискакалъ какъ разъ въ минуту самаго жаркаго боя. Поздоровавшись съ братьями, какъ съ друзьями, онъ, какъ соколъ, налетѣлъ вмѣстѣ съ ними на войска хана. Не трусы были ханъ и его войско, но Шейхъ-Исмаилъ и съ нимъ семь братьевъ покосили ихъ, какъ траву въ полѣ, и вскорѣ не осталось ни хана, ни слугъ, его. Покончивъ съ врагомъ, братья забрали большую добычу и поѣхали домой, упросивъ ѣхать съ ними и Шейхъ-Исмаила, какъ дорогаго гостя и вѣрнаго друга въ сраженіи. По пріѣздѣ домой, братья угостили своего гостя всѣмъ, что только у нихъ было, а потомъ и предложили ему въ жены сестру свою. Шейхъ-Исмаилъ согласился жениться на сестрѣ братьевъ, но съ тѣмъ, что это совершится когда онъ будетъ возвращаться домой. „Теперь же я долженъ ѣхать по очень нужному дѣлу,“ сказалъ онъ, вскочилъ на коня и поѣхалъ дальше.

Ѣхалъ онъ долго-ли. коротко-ли и пріѣхалъ въ одинъ большой городъ, пріѣхалъ и думаетъ: «куда же заѣхать?» Опустилъ онъ поводья коня и ждетъ: конь шелъ, шелъ по улицамъ и переулкамъ и вошелъ въ одинъ дворъ, гдѣ и остановился около столба съ кольцами для привязи лошадей. Шейхъ-Исмаилъ слѣзъ съ коня и направился въ домъ. На порогѣ дома его встрѣтила старуха—хозяйка и

пригласила войти дорогимъ гостемъ, посланнымъ Богомъ. Когда же Шейхъ-Исмаилъ вошелъ, старуха угостила его закуской и во время закуски разсказала ему, что у нея есть три сына, которые служатъ у хана, владѣльца города и всей окрестной земли. Въ это время вошли три молодыхъ человѣка—сыновья старухи и, познакомившись съ своимъ гостемъ, отъ себя разсказали ему, что у хана есть дочь—прекрасная Арапъ-Зенгель, что она выходитъ замужъ за Купуръ-хана и скоро будетъ свадьба.

—«Не должно быть этой свадьбѣ!» вскричалъ Шейхъ-Исмаилъ, и тутъ-же повѣдалъ своимъ новымъ знакомымъ, какъ Арапъ-Зенгель, давъ ему обѣщаніе быть его женой, потомъ обманула его, бѣжавъ съ того мѣста, гдѣ расположилась хуторомъ. Разсказъ свой онъ закончилъ такъ: «прошу васъ, друзья мои, ступайте во дворецъ хана и передайте его дочери, что тотъ, котораго ты обманула,—здѣсь и говоритъ тебѣ: я далъ клятву предъ Богомъ вернуться домой или твоимъ мужемъ или твоимъ убійцей!» Братья пошли и передали его слова Арапъ-Зенгель, а отъ нея получили такой отвѣтъ: «я давно хочу быть женою Шейхъ-Исмаила, но братья мои этого не желаютъ; молодцы крадутъ себѣ женъ.» Сыновья старухи поспѣшили передать Шейхъ-Исмаилу слова ханши и за такую радостную вѣсть тутъ-же получили отъ него богатые подарки. Потомъ всѣ подумали и придумали, какъ бы украсть ханскую дочь. Въ одну ночь Арапъ-Зенгель секретно вышла изъ дворца, а Шейхъ-Исмаилъ и друзья его подхватили ее, посадили на коня, сѣли на коней сами и поскакали въ ханство отца Шейхъ-Исмаила. Но во дворцѣ скоро хватились ханской дочери и поскакали въ погоню за похитителями ея. Хоть и хорошіе были кони у Шейхъ-Исмаила и его товарищей, но у братьевъ Арапъ-Зенгель кони были еще лучше и вскорѣ они стали догонять нашихъ воровъ. Замѣтивъ, что ихъ нагоняютъ, Шейхъ-Исмаилъ и его друзья—нечего дѣлать—выхватили изъ чехловъ свои винтовки и начали перестрѣлку, а когда разстрѣляли всѣ заряды, то хватились за шашки и отлично расправились съ своими врагами: черезъ самое короткое время вся погоня летѣла назадъ домой, безъ оглядки.

Избавившись отъ враговъ и отъѣхавъ такъ далеко, что нельзя было опасаться новой погони, ханскій сынъ простился съ своими друзьями, сыновьями старухи, у которой останавливался въ городѣ, поклявшись имъ въ вѣчной дружбѣ, и поѣхалъ себѣ дальше съ своею женою, прекрасною Арапъ-Зенгель. Сначала заѣхали они во дворецъ семи братьевъ, гдѣ оставалась невѣста Шейхъ-Исмаила и гдѣ Шейхъ-Исмаила давно уже ожидали. По пріѣздѣ его тотчасъ-же устроили свадьбу и по этому случаю и поѣли, и попили, и повеселились въ сластъ. А на другой день Шейхъ-Исмаилъ съ своими двумя женами отправился на то мѣсто, гдѣ оставалась первая невѣста его. Тамъ уже стоялъ большой дворецъ и слуги женщины—силача давно ожидали жениха своей госпожи и встрѣтили его какъ своего будущаго князя. И обрадовались-же всѣ прибытію Шейхъ-Исмаила, а въ особенности сама хозяйка дворца, сдѣлавшаяся женою такого храбраго богатыря. Пиръ по случаю такой свадьбы продолжался ровно двѣ недѣли! Равно двѣ недѣли съ разставленныхъ во дворѣ ханши столовъ не сходила свѣжая и жирная баранина, не снимались жирный пловъ, яичницы, курятины въ маслѣ и множество другихъ сладкихъ закусокъ; двѣ недѣли гости—а ихъ было столько, что и въ два дня не сосчитать—закусывали и пили бузу и чапу, и хвастались своимъ молодечествомъ, и танцовали подъ игру пятнадцати зурначей, и тѣшили свои глаза, любуясь на красивыхъ дѣвушекъ. Отъ выстрѣловъ изъ ружей и пистолетовъ происходилъ такой грохотъ, что въ сосѣднихъ ханствахъ женщины и дѣти отъ испуга тряслись какъ въ лихорадкѣ. А если про скачки разсказывать и про подарки, которыми ханша наградила лучшихъ наѣздниковъ, такъ и въ три дня не кончишь.

Я былъ генераломъ (*) на этой свадьбѣ, то бишь.... отецъ мой, ахъ, нѣтъ! отецъ моего отца, и мой прадѣдушка (чтобы ему покойно лежалось въ могилѣ!). Такъ вотъ мой

(*) Чеченцы имѣютъ обыкновеніе изъ числа свадебныхъ гостей выбирать одного въ генералы. Генералъ этотъ рядится въ бумажные эполеты, сажается на самое почетное мѣсто и съ важно-надутой миной блюдетъ за порядкомъ. Въ его распоряженіе отдается нѣсколько помощниковъ—стражниковъ и исполнителей его воли, чрезъ которыхъ генераломъ и разсылаются палочные удары нарушителямъ порядка.

прадѣдушка былъ генераломъ на свадьбѣ и разсказывалъ про нее такія чудеса, что.... Эхъ! былъ бы я мулла, врал, бы вамъ цѣлую недѣлю безъ запинки, а теперь и охота есть да не умѣю.. .

Послѣ свадьбы Шейхъ-Исмаилъ взялъ всѣхъ трехъ своихъ женъ и отправился съ ними домой, а прибывши домой, зажилъ себѣ такъ, какъ дай Богъ жить каждому.

VI.

Сказка про ханскаго сына Парсдала и про княжескую дочь Целису.

(Записана въ Аухѣ).

Жили-были два хана. У одного изъ нихъ были три сына, а у другаго одна дочь. Оба хана жили между собою въ большой дружбѣ и часто ходили другъ къ другу въ гости. Такъ они въ дружбѣ проживали до старости, а когда состарились, то ханъ, у котораго была дочь, обратился къ другому хану съ такою рѣчью: „Теперь я состарился и не могу навѣщать тебя по прежнему, но чтобы ты помнилъ обо мнѣ и зналъ всегда, какъ я живу, вотъ тебѣ на память стрѣла: когда я буду веселъ и покоенъ – съ конца стрѣлы будетъ капать молоко, когда-же я буду въ горести—со стрѣлы будетъ капать кровь.“ Послѣ этихъ словъ ханъ передалъ стрѣлу своему другу, простился съ нимъ и уѣхалъ домой.

Черезъ нѣсколько времени ханъ, у котораго было три сына, взглянувъ на оставленную ему стрѣлу, увидѣлъ, что съ нея вмѣсто молока капаетъ кровь. Очень огорчило это хана и онъ сталъ задумчивъ и заболѣлъ даже. Сыновья спрашиваютъ его, отчего онъ не веселъ и заболѣлъ? Ханъ долго молчалъ, а потомъ и говоритъ: „смотрите! вонъ со стрѣлы, оставленной мнѣ моимъ другомъ ханомъ, течетъ не молоко, а кровь, значитъ у хана есть горе, а я не могу ему помочь; вотъ отчего я и не веселъ и заболѣлъ. „Потомъ онъ

прибавилъ: „кто изъ васъ хочетъ избавить меня отъ печали, пусть поѣдетъ къ моему другу—хану и узнаетъ, какое у него горе.“ Отвѣчали сыновья своему отцу: „если есть между небомъ и землею то, чѣмъ можно помочь твоему другу, мы достанемъ это и поможемъ ему“. Послѣ такого слова они, нимало не медля, сѣли на своихъ коней и поѣхали къ хану, другу своего отца, а пріѣхавъ, спрашиваютъ его: какое съ нимъ случилось горе. Ханъ говоритъ имъ: „Огорченъ я сильно тѣмъ, что единственная дочь моя неизвѣстно куда пропала“. Братья дали хану слово: живую или мертвую, а доставить ему его дочь. Потомъ они простились съ нимъ и поѣхали, куда глаза глядѣли.

Ѣхали они много-ли—мало-ли и заѣхали въ такое мѣсто, что угадать не могли—на лунѣ они или на землѣ. Осмотрѣлись братья вокругъ себя и завидѣли вдали огонь Тогда они остановились и старшій братъ сказалъ, обращаясь къ младшимъ:

— Стойте; переговоримъ между собою, кто изъ насъ что можетъ сдѣлать. Я самъ могу провести семь дней подъ землею, никѣмъ не видимый.

— Я, сказалъ средній братъ, — могу такъ же летать по воздуху, какъ ходить по землѣ.

— А я, сказалъ младшій братъ, могу взять ребенка, когда онъ сосетъ грудь матери, и мать не замѣтитъ, какъ его взяли.

Тогда старшій братъ сказалъ: „Такъ поѣзжай ты, младшій нашъ братъ, впередъ и посмотри, что это за огонь тамъ впереди?“ Младшій братъ сѣлъ на коня и поѣхалъ на огонь. Подъѣзжаетъ къ огню и видитъ: не огонь передъ нимъ, а огненный змѣй, свернувшійся въ кольцо, и въ срединѣ кольца сидитъ ханская дочь. Младшій братъ вернулся къ старшимъ братьямъ и разсказалъ имъ видѣнное. Опять говоритъ старшій братъ младшему: „кому-же какъ не тебѣ, умѣющему украсть ребенка отъ груди матери, слѣдуетъ украсть теперь ханскую дочь?“ Не говоря не слова, младшій братъ поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ змѣй, укралъ у него ханскую дочь и вернулся съ нею къ братьямъ. Теперь наступила очередь старшаго брата и онъ устроилъ такъ, что и ханская дочь и всѣ братья укрылись

отъ преслѣдованія змѣя подъ землею. Семь дней оставались они въ подземномъ своемъ помѣщеніи, но на восьмой день рѣшились выдти на свѣтъ. И только что они вышли, какъ змѣй накинулся на нихъ, отнялъ изъ ихъ рукъ дочь хана и полетѣлъ съ нею по воздуху.

— Ну, теперь ты берись за дѣло!—говоритъ старшій братъ среднему брату.

Не говоря ни слова, средній братъ полетѣлъ по воздуху, нагналъ змѣя и отнялъ у него ханскую дочь; потомъ онъ спустился съ нею къ остальнымъ братьямъ и всѣ они вслѣдъ за старшимъ братомъ вторично скрылись подъ землею. Опять просидѣли они подъ землею семь дней, а на восьмой день, когда захотѣли выдти изъ земли, то увидѣли, что змѣй закрылъ имъ всѣ выходы и имъ приходится помирать безъ пищи и свѣта. Тутъ братья, нечего дѣлать—вступили съ змѣемъ въ переговоры, что бы онъ ихъ выпустилъ изъ подъ земли и змѣй согласился, но съ тѣмъ условіемъ, что бы они дали клятву добровольно принести ему изъ своего дома то, что у нихъ есть, но о чемъ они еще не знаютъ Братья дали клятву и тогда змѣй выпустилъ ихъ изъ подъ земли; а когда выпустилъ, то и сказалъ имъ: „Пока васъ не было дома, мать ваша родила сына Парсдала; его вы и должны доставить мнѣ въ такой-то день“. Услышавъ это, братья опечалились, но дѣлать было нечего, и они сѣли на коней и поѣхали домой.

Заѣхавъ въ домъ хана, друга отца, они отдали ему его дочь и выслушавъ онъ него слово благодарности вернулись въ домъ своихъ родителей. Видитъ мать ихъ, что дѣти ея вернулись домой печальные и спрашиваетъ ихъ: „отчего я вижу печаль на вашихъ лицахъ? или вы не исполнили отцовскаго порученія?“ Объяснили братья своей матери, что отцовское порученіе они исполнили, но что дали клятву змѣю отдать ему своего брата, который родился въ ихъ отсутствіе изъ дому. Мать заплакала и сказала своему послѣднему сыну то, что слышала отъ старшихъ его братьевъ.

— „Не огорчайся и не плачь, моя мать, говоритъ Парсдалъ, выслушавъ разсказъ матери: не боюсь я змѣя, я самъ пойду къ нему въ гости,—и сказавъ это, побѣжалъ себѣ играть съ другими дѣтьми.

Когда наступило назначенное змѣемъ время, Парсдалъ опоясался оружіемъ, попросилъ у братьевъ себѣ коня, сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣхалъ онъ въ домъ хана, друга своего отца и попросился переночевать. Ханъ припялъ его какъ гостя, а потомъ спрашиваетъ: „Что ты за человѣкъ и откуда и куда ѣдешь?“ Парсдалъ разсказалъ хану, что онъ сынъ хана такого-то, что братья его дали клятву отдать его змѣю на съѣденіе и что онъ теперь ѣдетъ къ змѣю, чтобы не сдѣлать братьевъ клятвопреступниками. Выслушавъ разсказъ, ханъ и говоритъ своему гостю: „Ты молодъ, а я старъ; мнѣ ужъ и такъ не долго жить на свѣтѣ. Прошу тебя остаться въ своемъ домѣ: вотъ тебѣ жена—моя дочь, и все, что ты видишь вокругъ себя—это тебѣ подарокъ отъ стараго хана и на поминъ моей души. Я-же отправлюсь за тебя къ змѣю и онъ удовлетворится мною“. Парсдалъ говоритъ: „никогда Парсдалъ такъ не сдѣлаетъ!“—и, простившись съ ханомъ и его дочерью, поѣхалъ къ змѣю.

Долго ли коротко ли онъ ѣхалъ и пріѣхалъ на то мѣсто, гдѣ находился змѣй. Увидалъ онъ змѣя и говоритъ ему: „Что тебѣ отъ меня надо? Вотъ я самъ пріѣхалъ къ тебѣ“. Змѣй говоритъ: „Я тебя съѣмъ“.

— Побѣдитель можетъ съѣсть побѣжденнаго, говоритъ Парсдалъ,—но мы съ тобою еще не воевали. Хочешь драться—я готовъ, только смотри своей-то головы не потеряй!.

Змѣй опять говоритъ молодому человѣку: „А храбрый ты, такъ достань мнѣ княжескую дочь въ такомъ-то государствѣ, тогда я тебя оставлю живымъ“. На это Парсдалъ согласился: „только, говоритъ, царевну-то я достану, а тогда еще увидимъ, чья она будетъ“.

Послѣ того, Парсдалъ поѣхалъ доставать царевну. Ѣхалъ, ѣхалъ онъ и пріѣхалъ въ какой-то неизвѣстный городъ. Не зная, къ кому ему заѣхать, онъ положился на своего коня и конь самъ завелъ его въ одинъ дворъ, а рядомъ съ этимъ дворомъ былъ другой дворъ и на заборѣ послѣдняго двора, на всѣхъ кольяхъ кромѣ одного, торчали человѣческія головы. Въ томъ дворѣ, куда завернулъ конь Парсдала, жила одна старушка; завидѣвъ коня и всадника, старушка вышла изъ дому и пригласила всадника къ себѣ въ гости. Парсдалъ

принялъ приглашеніе и спросилъ старушку: что за домъ находится въ сосѣдствѣ и какой это знакъ, что на всѣхъ кольяхъ, кромѣ одного, торчатъ человѣческія головы? Старушка разсказала Парсдалу, что въ сосѣднемъ домѣ живетъ сильный князь, имѣющій двадцать два сына и одну съ ними же дочь Целису, красавицу первую на свѣтѣ; Целису многіе хотѣли украсть, но кто ни пытался, всѣ попадались въ руки братьевъ ея, всѣмъ имъ они отрубали головы и эти-то головы и торчатъ на кольяхъ.

Парсдалъ догадался тогда, что ему предстоитъ похитить Целису, такъ какъ злой змѣй за нею именно и долженъ былъ послать его. Догадкою своею онъ подѣлился съ своей хозяйкой, но та стала упрашивать его бросить свое намѣреніе, говоря, что ея семь сыновей за тоже безразсудное намѣреніе поплатились жизнью. Старушка говорила: „Останься у меня вмѣсто погибшихъ моихъ сыновей. я буду считать тебя своимъ сыномъ, а про Целису забудь“. Однако, какъ старушка ни упрашивала, Парсдалъ не послушался ея и ночью отправился въ домъ, гдѣ жила Целиса; но только что онъ вошелъ въ дверь, какъ попалъ ногой въ разставленный капканъ. Тутъ Парсдалъ почувствовалъ, что его ждетъ таже участь, какой подверглись всѣ, оставившіе свои головы на кольяхъ, и сталъ молить Бога сдѣлать его уткой. Богъ услышалъ его молитву и превратилъ его въ утку. Когда разсвѣтало и братья вышли на дворъ, то къ удивленію своему они нашли въ капканѣ не человѣка, какъ бывало прежде, а утку, которую и отнесли къ своей сестрѣ для забавы. Начала Целиса забавляться съ уткой, а утка вдругъ и укусила ее за грудь. Разсердилась Целиса, бросила утку на землю и велѣла братьямъ зарѣзать ее, говоря: „Я храню свою грудь для Парсдала, а она смѣетъ прикасаться къ ней“. Братья уговорили сестру не сердиться на утку, какъ на неразумную птицу и Целиса простила ее.

На другой день красавица Целиса опять начала играть съ уткой и та опять укусила ее за грудь. Дѣвушка разсердилась и стала требовать непремѣнно зарѣзать скверную птицу, но братья и на этотъ разъ уговорили ее простить утку. На ночь Целиса оставила утку въ своей комнатѣ и вотъ когда и Целиса, и всѣ въ домѣ заснули, Парсдалъ

сталъ молить Бога возратить ему человѣческій образъ Богъ возвратилъ ему человѣческій образъ и тогда . . . онъ тихонько легъ рядомъ съ княжескою дочерью въ ея постель. Целиса, проснувшись, видитъ около себя человѣка и спрашиваетъ его: «кто ты, и какъ попалъ ко мнѣ въ комнату?» Парсдалъ разсказалъ ей все и назвалъ ей свое имя. При имени Парсдала княжна почувствовала большую радость, зная, что Парсдалъ предназначенъ ей въ мужья самимъ Богомъ Тотчасъ-же Парсдалъ и Целиса, по уговору между собою. секретно вышли изъ дома, сѣли на коней и поскакали въ домъ родителей Парсдала.

Проскакали они не долго и заслышали вдругъ сзади себя шумъ и топотъ коней. Обернулись, видятъ —ихъ нагоняютъ братья Целисы. Парсдалъ и Целиса помолились Богу, чтоонъ обернулъ ихъ въ голубей и, ставши голубями, полетѣли по воздуху. Братья Целисы выпустили на голубей ястреба и онъ сталъ ловить ихъ. Видя, что ястребъ ихъ настигаетъ, Целиса и женихъ ея помолились Богу и Богъ превратилъ ихъ въ зайцевъ. Братья выпустили на зайцевъ гончихъ собакъ и собаки бросились ихъ преслѣдовать, но въ ту минуту, когда они совсѣмъ уже настигали зайцевъ, Богъ обратилъ зайцевъ въ просо, разсыпавшееся по землѣ. На просо братья выпустили куръ, которыя начали клевать его. Тогда Богъ обратилъ Парсдала и Целису въ ястребовъ—ястребы истребили куръ и улетѣли такъ далеко, что братья потеряли ихъ изъ виду и поневолѣ вернулись домой.

Избавившись отъ погони, Парсдалъ разсказалъ Целисѣ, зачѣмъ онъ укралъ ее изъ родительскаго дома и окончилъ разсказъ такъ: „Теперь я отдамъ тебя на съѣденіе змѣю, а самъ вернусь къ своимъ родителямъ и братьямъ“. Целиса сказала: «Вижу, что своею смертью спасу тебѣ жизнь; такъ прибавимъ-же шагу, чтобы пріѣхать скорѣе къ змѣю: мнѣ сладко будетъ пожертвовать собою для твоего спасенія! Парсдалъ отвѣчаетъ ей на это:

— Если ты не жалѣешь для меня своей жизни, то можешь-ли думать, что я не пожертвую для тебя своею? будь у меня двѣ жизни, я обѣ отдалъ-бы за твое спасеніе!“

Послѣ того Парсдалъ и Целиса подъѣхали къ мѣсту, гдѣ находился змѣй. Парсдалъ оставилъ Целису въ безопасномъ мѣстѣ, а самъ пошелъ къ змѣю и, увидѣвъ его,

крикнулъ: „Княжескую дочь я досталъ, только не для тебя, а для себя! Тебя-же я сей часъ убью проклятый!

Съ этими словами онъ бросился на своего врага, какъ ястребъ на добычу, и однимъ ударомъ шашки отрубилъ ему голову. Вернувшись затѣмъ къ своей невѣстѣ, Парсдалъ взялъ ее и поѣхалъ съ нею домой къ отцу и братьямъ, а пріѣхавши женился на ней и зажилъ такъ, какъ дай Богъ жить всѣмъ хорошимъ людямъ

II.

СКАЗКИ ШУТОЧНЫЯ И ОСТРОУМНЫЯ.

VII.

Сказка про андійца Карная и про то, какъ онъ съ помощью своей холопки Задай женился на княжеской дочери.

Записана въ Галичевскомъ обществѣ.

Въ одномъ френгскомъ (европейскомъ) государствѣ жилъ былъ князь; у него была дочь красавица, какой не сыскать во всемъ свѣтѣ. Когда для княжеской дочери наступила пора замужества, отецъ объявилъ по всѣмъ сосѣднимъ государствамъ, что отдастъ свою дочь замужъ за того, кто съумѣетъ вызвать ее на разговоръ съ собою. При этомъ онъ объявилъ еще, что если кто захочетъ заставить ее заговорить, а она не заговоритъ, тому онъ отрубитъ голову. Надо сказать, что при княжеской дочери состояли 30 слугъ и 30 прислужницъ, которые должны были доносить обо всемъ князю. Много перебывало у князя княжескихъ дѣтей и другихъ знаменитыхъ людей, но сколько ихъ ни было, заставить княжескую дочь заговорить съ собою никому изъ нихъ не удалось и князь всѣмъ имъ отрубалъ головы.

Въ то время въ Андіи жилъ одинъ человѣкъ по имени Карнай, который никогда еще въ жизни не любилъ женщины. И задумалъ Карнай отправиться къ княжеской дочери—заставить ее заговорить съ собою, а потомъ и жениться на ней. Была у Карная холопка Задай; видитъ она, что Карнай собирается куда-то въ дорогу и спрашиваетъ его: куда онъ собирается? Карнай говоритъ, что ѣдетъ къ княжеской дочери—заставить ее заговорить съ собою, а потомъ жениться на ней. „Возьми и меня съ собою, проситъ Задай,—я тебѣ пригожусь, только я пойду съ такимъ условіемъ: когда ты женишься на княжеской дочери, то сдѣ-

лаешь мнѣ подарокъ, какой я сама пожелаю.“ Карнай согласился и вмѣстѣ съ Задай отправился туда, гдѣ жилъ князь съ своею дочерью. Когда они стали подъѣзжать къ дому князя, Задай говоритъ Карнаю: „какъ мы придемъ къ дочери князя, я спрячусь въ стѣнѣ ея сакли, а ты разскажи ей что нибудь и попроси ея рѣшенія. Остальное потомъ узнаешь.“

Пріѣхалъ Карнай съ своей холопкой Задай въ домъ князя. Задай, по уговору, спряталась въ стѣнѣ, а Карнай вошелъ въ саклю княжеской дочери, произнесъ обычное привѣтствіе, причемъ ему ничего не отвѣтили, и началъ свою рѣчь такъ: „Я пришелъ не милостыню просить или пріюта, а пришелъ по очень важному дѣлу. Сдѣлай одолженіе, выслушай его и потомъ рѣши.“ Послѣ этого онъ приступилъ къ разсказу:

—Въ нѣкоторой странѣ жили три брата и каждый изъ нихъ имѣлъ по тысячѣ рублей золотомъ. Захотѣли братья заняться торговлей и поѣхали они розыскивать большіе торговые города. Ѣхали они три мѣсяца и пріѣхали въ городъ Римъ. Здѣсь старшій братъ купилъ за тысячу рублей такое зеркало, что посмотрѣть въ него—увидишь все что есть на небѣ и на землѣ; средній за свою тысячу рублей купилъ бурку такую, что если сѣсть на нее, то можно въ одинъ часъ пролетѣть все пространство между небомъ и землею; а младшій братъ, тоже за тысячу рублей, купилъ чашку, имѣвшую такое свойство: если напоить изъ нея только-что умершаго, то онъ въ ту-же минуту воскреснетъ Каждый изъ братьевъ оставилъ на родинѣ любимую дѣвушку и вотъ, когда они сдѣлали свои покупки, младшіе братья стали упрашивать старшаго посмотрѣть въ зеркало: что дѣлаютъ ихъ возлюбленныя. Онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ, что невѣста одного изъ нихъ лежитъ мертвая. Не мѣшкая, братья сѣли на бурку, купленную среднимъ братомъ и въ одинъ мигъ прилетѣли на ней на родину. Здѣсь они отправились въ домъ умершей дѣвушки и младшій братъ, набравъ въ свою чашку немного воды, влилъ ее въ ротъ покойной, которая въ ту-же минуту ожила. Тогда братья заспорили между собою о томъ, кому должна принадлежать ожившая дѣвушка. Старшій говорилъ: «Мнѣ, потому-что я чрезъ свое зеркало

узналъ, что она умерла и только поэтому мы поспѣшили домой и оживили ее.» Средній братъ говоритъ: «Мнѣ, потому-что только благодаря моей буркѣ мы прилетѣли домой во время, чтобы оживить покойную.» Младшій же братъ говоритъ: «Нѣтъ, мнѣ, потому-что не важно то, что мы узнали о смерти дѣвушки и прилетѣли домой, а важно то, что я вернулъ ее къ жизни, напоивъ ее водою изъ своей волшебчашки.»—Теперь прошу тебя, княжеская дочь, рѣшить мнѣ, кто же изъ трехъ братьевъ долженъ получить дѣвушку?

Задай сидѣвшая въ стѣнѣ крикнула: „Тотъ, у котораго было зеркало!“

— Что ты знаешь, стѣна! произнесла княжеская дочь, разсердившись:—развѣ не тотъ сдѣлалъ больше всѣхъ, кто вложилъ душу въ безжизненное тѣло?...

Тотчасъ дали знать князю, что дочь его говорила съ такимъ-то

— Хорошо! сказалъ князь: если она говорила съ нимъ сегодня, то посмотримъ—заговоритъ ли еще завтра.

Выйдя отъ княжеской дочери. Задай сказала Карнаю: —Завтра ты опять раскажи подобный же случай. Я спрячусь въ кровати дочери князя и когда ты кончишь разсказъ, увидишь, что она опять заговоритъ съ тобою.

На другой день Карнай и холопка его Задай отправились къ дочери князя. Задай спряталась въ кровати, а Карнай, войдя въ комнату, сказалъ обычное привѣтствіе и потомъ началъ свою рѣчь такъ:

—Я пришелъ не милостыню просить, или чего другаго, а пришелъ разсказать одно дѣло, которое прошу тебя, княжеская дочь, разрѣшить мнѣ. Жили два брата и поѣхали они путешествовать, а съ ними и жена одного изъ нихъ. Къ ночи они пріѣхали въ лѣсъ и, выбравъ полянку, расположились на ней на ночлегъ. При этомъ одинъ изъ братьевъ, оставивъ своихъ спутниковъ, отправился розыскивать воду для омовенія и питья. Прошло довольно много времени, а ушедшій не возвращался. Тогда пошелъ за нимъ другой братъ и тоже пропалъ. Такъ какъ ночь была очень темная, то женщина не посмѣла идти розыскивать братьевъ и ночевала тамъ, гдѣ находилась; когда-же занялась утренняя заря, она встала и пошла розыскивать братьевъ. Подходитъ

къ рѣчкѣ и видитъ: оба брата лежатъ мертвые и каждый изъ нихъ въ поясницѣ разрубленъ на двѣ части, а части разбросаны какъ попало. Женщина собрала части убитыхъ и сложила ихъ вмѣстѣ, но того не замѣтила, что къ верхней части мужа она приложила нижнюю часть брата его, а къ верхней части брата приложила нижнюю часть мужа. Исполнивъ это, она начала усердно молить Бога, что бы онъ оживилъ братьевъ и, когда она молилась, надъ головой ея вдругъ пролетѣла стая птицъ и набросала много перьевъ. Женщина догадалась, что перья эти—помощь, посланная ей отъ Бога, и собравъ ихъ, потерла ими тѣла убитыхъ. Мертвые братья ожили, какъ будто пробужденные отъ глубокаго сна, и вернувшись къ жизни—заспорили между собою изъ за того, кому изъ нихъ принадлежитъ жена ихъ, спасительница? Тотъ, у котораго была нижняя часть тѣла настоящаго мужа, утверждалъ, что ему, такъ какъ она имѣла отъ него дѣтей; имѣвшій же верхнюю часть тѣла мужа говорилъ: „нѣтъ она моя жена, потому что языкомъ своимъ и рукой своей я повѣнчался съ нею.“ Прошу княжескую дочь рѣшить, который изъ двухъ братьевъ мужъ этой женщины?

Задай, спрятанная въ кровати, крикнула: „Тотъ у котораго нижняя часть тѣла ея прежняго мужа“.

— Неправда! возразила княжеская дочь, развѣ не разумъ заключающійся въ головѣ, господинъ надъ всѣми другими частями тѣла?...

Въ ту же минуту доложили князю, что дочь его снова говорила съ такимъ-то.

— Хорошо! сказалъ князь:—посмотримъ, заговоритъ-ли она съ нимъ въ третій разъ!

По выходѣ отъ княжеской дочери, Задай сказала Карнаю: „Завтра я спрячусь въ свѣчкѣ, а ты опять разскажи дочери князя какой нибудь случай, похожій на разсказанный сегодня. Когда же ты потребуешь отвѣта на свой вопросъ, я, какъ и сегодня, скажу одно, а княжеская дочь не утерпитъ и скажетъ другое, значитъ заговоритъ въ третій разъ.

На другой день Задай спряталась въ свѣчкѣ, а Карнай вошелъ къ княжеской дочери, поздоровался съ нею, при чемъ на него не обратили никакого вниманія, и началъ такъ:

—Я пришелъ не милостыню просить, или чего другаго, а

пришелъ разсказать одно дѣло и прошу рѣшить мнѣ его Въ одномъ мѣстѣ, въ лѣсу, были четыре человѣка: кадій, серебрякъ, столяръ и купецъ. Было это въ лунную ночь и всѣ они спали. Столяръ, проснувшись, нашелъ около себя круглое дерево и такъ-какъ ему спать не хотѣлось, то онъ взялъ да и сдѣлалъ изъ дерева фигуру женщины и затѣмъ легъ и снова заснулъ. Проснулся послѣ того купецъ и увидѣвъ фигуру женщины, одѣлъ ее въ самое лучшее платье, затѣмъ легъ и заснулъ. Потомъ проснулся серебрякъ, увидѣлъ ту же фигуру женщины, надѣлъ на нее самыя лучшія серебрянныя украшенія, затѣмъ опять легъ и заснулъ. Проснулся наконецъ кадій; видитъ онъ фигуру женщины и думаетъ про себя: этому подобію женщины только души недостаетъ, что бы быть настоящей женщиной—красавицей. Всталъ онъ на молитву и началъ усердно просить Бога вложить въ фигуру женщины душу. Онъ молился усердно и Богъ услышалъ его молитву, фигура женщины вдругъ превратилась въ живую дѣвушку Въ это время проснулись и всѣ другіе товарищи муллы и каждый изъ нихъ сталъ увѣрять, что дѣвушка должна принадлежать ему. Столяръ говоритъ: „дѣвушка моя, потому что я первый сдѣлалъ фигуру ея“. Купецъ говоритъ: „нѣтъ, она моя, потому что еслибъ я не одѣлъ ее въ лучшее платье, она бы не была такъ красива и на нее никто не обратилъ бы вниманія“. Серебрякъ говоритъ: «вы оба ошибаетесь: она моя, потому что я украсилъ ее серебромъ и послѣ того она дѣйствительно стала привлекательна, а ваши украшенія ничто противъ моихъ». Кадій же говорилъ, что дѣвушка принадлежитъ ему, такъ какъ по его молитвѣ Богъ вложилъ въ нее душу. Прошу тебя, княжеская дочь, рѣшить, кому слѣдуетъ отдать дѣвушку?

Холопка Задай отвѣтила изъ свѣчки:—столяру, потому что онъ творецъ ея.

— Ты, свѣча, совсѣмъ безъ разсудка, съ сердцемъ сказала княжеская дочь – только душа дѣлаетъ человѣка человѣкомъ и по чьей молитвѣ Богъ далъ фигурѣ душу, тому онъ и предназначилъ дѣвушку.

Тотчасъ дали знать князю, что дочь его въ третій разъ говорила съ такимъ-то.

— Хорошо! сказалъ князь и выдалъ ее замужъ за андійца Карная. Справили они свадьбу, и Карнай, получивъ отъ князя богатые подарки, уѣхалъ съ женою домой, а пріѣхавъ домой, отблагодарилъ холопку такъ, какъ она сама пожелала.

VIII

Хитрый кадій. *)

Записано въ Ичкеріи.

Въ одномъ аулѣ жилъ ученый кадій, который постоянно сидѣлъ въ мечети и разбиралъ споры и жалобы приходившаго къ нему народа. Кадій заподозрилъ свою жену въ любовной связи съ однимъ изъ своихъ односельцевъ, но уличить ее въ этомъ никакъ не могъ. Вотъ приходитъ онъ разъ изъ мечети домой и говоритъ женѣ:

— „Слышишь, жена! въ мечеть къ намъ пришелъ святой человѣкъ, угадывающій всѣмъ ихъ прошлое, настоящее и будущее. Многія женщины обращались къ нему и узнали отъ него свою правду;—сходи пожалуй и ты, только сама ему не показывайся, а подай въ окно мечети свое приношеніе, потомъ отвернись въ сторону и жди слова святаго человѣка". Обрадовавшись тому, что слышала отъ мужа, жена кадія наскоро напекла блиновъ, сложила ихъ на блюдо и понесла въ мечеть. Тѣмъ временемъ кадій незамѣтно пришелъ въ мечеть, сѣлъ на свое мѣсто и ждетъ. Подходитъ къ мечети его жена и просовываетъ въ окно свое приношеніе, отвернувшись лицемъ въ сторону. Кадій принялъ приношеніе и, измѣнивъ голосъ, чтобы жена не могла его узнать, заговорилъ такъ: „Знаю женщина, какое у тебя горе: ты не любишь своего мужа, а любишь другаго своего односель-

*) Старшій мулла (священникъ).

ца и хотѣла бы свободно жить съ любовникомъ, да мѣшаетъ онъ тебѣ, мужъ твой. Такъ слушай: придешь домой, возьми—зарѣжь одну изъ трехъ своихъ коровъ и мясомъ ея корми своего мужа, пока онъ не съѣстъ все; послѣ зарѣжь другую корову и пусть мужъ твой съѣстъ и ее, за второю зарѣжь и третью ему-же, да что бы кромѣ него никто этаго мяса и не попробовалъ. Когда мужъ твой съѣстъ всѣхъ трехъ коровъ, онъ ослѣпнетъ и ты станешь свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ будто у тебя нѣтъ совсѣмъ мужа“

Выслушала женщина совѣтъ святаго, побѣжала домой и тотчасъ же распорядилась зарѣзать одну изъ своихъ коровъ. Вечеромъ приходитъ домой кадій и узнаетъ, что жена его зарѣзала корову. Какъ будто очень удивленный, онъ спрашиваетъ ее: „зачѣмъ ты это сдѣлала?“—А такъ святой человѣкъ велѣлъ, отвѣчаетъ жена,—твой мужъ, говоритъ, человѣкъ угодный Богу, ты ничего не жалѣй для него: коровы у тебя есть—такъ зарѣжь коровъ, чтобы онъ не жилъ безъ мяснаго“. Кадій ничего не сказалъ, а сталъ себѣ съѣдать корову за коровой; когда же съѣлъ послѣдній кусокъ мяса послѣдней коровы, то прикинулся, будто ослѣпъ. Обрадовалась жена кадія, замѣтивъ, что мужъ ослѣпъ и посылаетъ за своимъ любовникомъ. Пришелъ любовникъ и узнавъ, что кадій слѣпъ, тутъ-же, въ его присутствіи, началъ любезничать съ его женою. Кадій смотрѣлъ, смотрѣлъ да улучивъ минуту, когда любовники, занятые своимъ дѣломъ, совсѣмъ забыли объ немъ, схватилъ топоръ и убилъ ихъ обоихъ; а убивъ, взвалилъ себѣ на плечи трупъ любовника и понесъ его за аулъ.

Шелъ, шелъ кадій съ трупомъ на плечахъ и пришелъ на одно мѣсто, гдѣ паслось стадо барановъ, охраняемое пастухами и собаками. Здѣсь кадій свалилъ съ плечъ трупъ любовника, поставилъ его на землю и подперъ сзади хворостиною; самъ же отбѣжалъ въ сторону и спрятался. Скоро сабаки замѣтили присутствіе чужаго человѣка и съ лаемъ бросились на него; за собаками прибѣжали также проснувшіеся пастухи и, завидѣвъ неизвѣстнаго человѣка, стали бить его палками да били до тѣхъ поръ, пока онъ не свалился на землю. Того только и нужно было кадію: онъ выскочилъ изъ своей засады и бросился къ пастухамъ съ крикомъ:

„Вы убили моего невиннаго товарища, котораго я послалъ къ вамъ попросить огня!“ Пастухи испугались и начали упрашивать кадія никому не говорить о томъ, что они сдѣлали, обѣщаясь платить ему за это ежегодно по 12 барановъ. Кадій взялъ съ нихъ клятву, что они исправно будутъ отдавать ему обѣщанную плату, снова взвалилъ мертвеца себѣ на плечи и пошелъ съ нимъ дальше. Шелъ, шелъ онъ и пришелъ къ одной мельницѣ. Снявъ съ себя мертвеца, онъ прислонилъ его къ дверямъ и началъ кричать, чтобы отперли двери. Проснувшійся мельникъ не хотѣлъ было отпирать, но когда кадій сталъ стучать въ двери палкой, то, разсерженный, онъ вынулъ дверной засовъ и рванулъ дверь что было силы. Дверь распахнулась настежъ и прислоненный къ ней мертвецъ бухнулся въ мельницу и растянулся на полу. За мертвецомъ вскочилъ и кадій и началъ кричать на мельника, зачѣмъ онъ убилъ его товарища. Мельникъ испугался и сталъ просить кадія, чтобы тотъ никому не говорилъ о случившемся несчастіи, обѣщаясь за это платить кадію ежегодно по двѣнадцати мѣшковъ пшеничной муки. Кадій согласился и, взявъ съ мельника клятву въ исправной уплатѣ обѣщаннаго имъ вознагражденія, поднялъ трупъ и понесъ его обратно въ аулъ. Пришелъ онъ въ аулъ въ то время, когда пѣли первые пѣтухи и направился прямо къ дому убитаго; пришелъ и кричитъ его женѣ голосомъ, похожимъ на голосъ ея мужа: «Отвори жена!»

—Какъ-же отворю я тебѣ, отзывается жена изъ комнаты.—Гдѣ ты провелъ время до полночи, можешь тамъ же провести его и до утра.

Кричитъ кадій опять: «Отопри, жена, а то я съ досады поднимусь на саклю и брошусь оттуда внизъ головой!»

—А, бросайся! отзывается женщина изъ комнаты.

Кадій влѣзъ съ мертвецомъ на крышу сакли, размахнулся и бросилъ оттуда мертвеца внизъ, прямо противъ дверей сакли, а сдѣлавъ это, удралъ себѣ домой. Обождавъ нѣкоторое время, женщина вышла посмотрѣть, что такое грохнулось объ землю и куда дѣвался ея мужъ? Вышла, смотритъ: на землѣ лежитъ тѣло ея мужа съ разбитой головой. Тутъ женщина подняла тревогу и когда затѣмъ сбѣжался народъ, то всѣ слышали какъ она кричала: «охъ!

охъ! зачѣмъ же ты бросился съ сакли внизъ головой!» Всѣ слышали и повѣрили, что мужъ ея умеръ, какъ она говорила.

На другой день пришелъ кадій и похоронилъ покойника. Разсказалъ кадій при этомъ народу, что и у него въ домѣ случилось большое несчастіе: ночью умерла его жена. Народъ пожалѣлъ кадія и его жену и помогъ ему похоронить покойницу. Чрезъ нѣкоторое время кадій взялъ себѣ другую жену и, получая ежегодно отъ пастуховъ по 12 барановъ и отъ мельника по 12 мѣшковъ пшеничной муки, сталъ себѣ жить да поживать на радость своихъ родственниковъ и на зависть одноаульцевъ другихъ фамилій.

IX.

Судъ и мальчикъ.

Записана въ Ичкеріи.

Въ одномъ аулѣ жили четыре брата, которымъ въ наслѣдство отъ отца досталось стадо барановъ. Братья захотѣли раздѣлиться между собою и съ этою цѣлью сначала разсортировали всѣхъ барановъ стада на лучшихъ, среднихъ и худшихъ, а потомъ каждую отдѣльную партію раздѣлили между собою поровну. При раздѣлѣ партіи барановъ лучшихъ и среднихъ никакихъ затрудненій не встрѣтилось, когда же раздѣлили послѣднюю партію барановъ худшихъ, то остался лишнимъ одинъ баранъ съ больной ногою. Братья подумали и рѣшили бросить жребій—кому какая достанется нога барана, а съ ней и соотвѣтствующая четвертая часть всего барана. По жребію старшимъ братьямъ достались три здоровыя ноги, а младшему больная. Вотъ младшій братъ взялъ тряпку намазалъ на нее цѣлебной мази и обвязалъ этою тряпкою больную ногу барана. Потомъ баранъ съ больною ногою былъ оставленъ на дворѣ, а всѣ остальные загнаны въ овчарникъ. Въ это время сестра братьевъ развела на дворѣ огонь; баранъ подошелъ и сталъ такъ близко къ огню, что тряпка, которою была обвязана больная нога его, заго-

рѣлась. Почувствовавъ боль, баранъ началъ метаться во всѣ стороны и при этомъ забѣжалъ въ овчарникъ, гдѣ находилось все стадо. Отъ горѣвшей тряпки загорѣлось разбросанное въ овчарникѣ сѣно, отъ сѣна занялись турлучныя стѣны строенія, потомъ крыша и такимъ образомъ произошелъ большой пожаръ, которымъ уничтожило и овчарникъ, и все стадо барановъ. Послѣ пожара старшіе три брата стали требовать отъ младшаго, что бы онъ удовлетворилъ ихъ за сгорѣвшихъ барановъ, говоря, что пожаръ произошелъ по его винѣ, а такъ какъ младшій братъ не соглашался исполнить ихъ требованіе, то братья пошли разбираться въ адатный (*) судъ.

Пришли они въ судъ. Старшіе братья разсказали судьямъ все дѣло и просятъ присудить младшаго брата къ уплатѣ имъ вознагражденія за сгорѣвшихъ барановъ. Судьи подумали и рѣшили такъ: пожаръ произошелъ чрезъ тряпку, которою была обвязана больная нога барана; тряпку привязалъ младшій братъ къ той ногѣ барана, которая, согласно жребію, составляла его собственность, поэтому младшій братъ и повиненъ въ пожарѣ, а потому онъ долженъ удовлетворить остальныхъ трехъ братьевъ.

Только что судьи сообщили народу свое рѣшеніе, какъ послышался смѣхъ одного маленькаго мальчика. Судьи разсердились и потребовали, чтобы мальчикъ сказалъ: чему онъ смѣется. „Да какъ-же не смѣяться такому умному рѣшенію, сказалъ мальчикъ;—по вашему пожаръ произошелъ чрезъ больную ногу барана, такъ? А не будь у барана трехъ здоровыхъ ногъ, какой же вредъ былъ бы оттого, что больная нога была обвязана тряпкой и тряпка загорѣлась? Вѣдь здоровыми, а не больными ногами баранъ вбѣжалъ въ овчарникъ!

Народъ похвалилъ мальчика за умное слово, а судьи перемѣнили свое рѣшеніе и ужь не младшему брату велѣли уплатить вознагражденіе старшимъ, а старшимъ приказали вознаградить младшаго брата.

(*) Судъ, рѣшающій дѣла на основаніи обычаевъ, установившихся при предкахъ. Такой судъ существуетъ и теперь.

X.

Отрывки изъ шуточной сказки про муллу Насыръ-Эддина.

Записано со словъ жителя аула Дарго, въ Ичкеріи, Хатама.

Въ прежнія времена жилъ у насъ въ Чечнѣ ученый мулла, по имени Насыръ-Эддинъ. Не знаю, право, умный-ли онъ былъ человѣкъ, или дуракъ. Въ народѣ разсказываютъ объ немъ различно: кто говоритъ, что онъ былъ человѣкъ очень умный, но любилъ прикидываться дуракомъ, чтобы посмѣшить людей; что будто-бы онъ любилъ и самъ смѣяться, и другихъ смѣшить и что не обижался даже, когда ему приходилось за этотъ смѣхъ выносить пинки и тычки. Другіе говорятъ, что Насыръ-Эддинъ хотя людей смѣшилъ, но и себя не забывалъ. Народъ бывало смѣется надъ нимъ, а у него, смотришь, черезъ этотъ смѣхъ и деньги есть, и баранина и хлѣбъ. А то говорятъ еще, что Насыръ-Эддинъ былъ святой человѣкъ и имѣлъ разрѣшеніе отъ самого Бога дѣлать все, что захочетъ; говорятъ, что ему ничего не ставилось въ вину и когда онъ умеръ, то ангелы Божіи слетѣли на землю за его праведной душой. Похожденій и продѣлокъ Насыръ-Эддина такъ много, что ни одинъ человѣкъ ихъ не перескажетъ всѣхъ. Я знаю ихъ очень немного и разскажу вамъ то, что знаю. А вы уже сами судите, каковъ былъ мулла Насыръ-Эддинъ.

Насыръ-Эддинъ былъ еще очень молодъ, когда ему захотѣлось жениться. Говоритъ онъ объ этомъ своему отцу.

— Ты еще молодъ, отвѣчаетъ отецъ, не позволю я тебѣ жениться.

Насыръ-Эддинъ началъ каждый день повторять отцу о своемъ желаніи. Отецъ все молчалъ, но разъ, когда ему надоѣли приставанія сына, онъ сказалъ ему: „Хорошо! позволяю тебѣ жениться. Завтра утромъ, еще до зари, ты выйдешь на рѣчку и спрячешься около того мѣста, куда на-

ши женщины каждое утро приходятъ съ кувшинами за водой. Какая женшина первая придетъ за водой, на той тебѣ и жениться". Насыръ-Эддинъ—нечего дѣлать—согласился исполнить требованіе отца, хотя у него давно уже была на примѣтѣ своя невѣста.

На другой день утромъ, чуть свѣтъ, онъ вышелъ на рѣчку и спрятался около того мѣста, гдѣ женщины набираютъ воду. Вотъ подходитъ къ рѣчкѣ одна женщина—Насыръ-Эддинъ сидитъ себѣ въ своей засадѣ; за первой приходитъ другая, за другою третья; каждая наберетъ въ кувшинъ воды и уходитъ съ рѣчки. Насыръ-Эддинъ все сидитъ. Наконецъ приходитъ на рѣчку его родная бабушка съ отцовской стороны. Долго не думая, Насыръ-Эддинъ кидается къ ней, обхватываетъ руками ея станъ и объявляетъ, что собирается на ней жениться. Бабушка, вырвавшись изъ его рукъ, бросается домой и со слезами разсказываетъ своему сыну—отцу Насыръ-Эддина о томъ, что внукъ хотѣлъ жениться на ней. Отецъ Насыръ-Эддина, выслушавъ слова своей матери, схватилъ ружье и бросился разыскивать сына, чтобъ застрѣлить его, какъ собаку; нашелъ онъ Насыръ-Эддина и кричитъ ему: вотъ я тебя застрѣлю какъ собаку!

— Ой! За что-же? спрашиваетъ Насыръ-Эддинъ.

— А за то, что ты хотѣлъ жениться на моей матери....

— Такъ дай-же мнѣ ружье, отецъ, крикнулъ Насыръ-Эддинъ,—я сначала тебя застрѣлю. Я только хотѣлъ жениться на твоей матери, а ты на моей матери ужъ тридцать лѣтъ женатъ!....

Отецъ Насыръ-Эддина, чтобы не толковать больше съ дуракомъ, позволилъ ему жениться на комъ хочетъ.

Женился Насыръ-Эддинъ и думаетъ, чѣмъ-же я теперь буду жить съ женою? Собралъ онъ черепки разбитаго горшка, истолокъ ихъ въ порошокъ и засыпавъ въ мѣшочекъ, пошелъ съ нимъ по аулу, крича: „кто купитъ порошки для истребленія крысъ!" Крикъ его дошелъ до слуха одного человѣка, у котораго въ саклѣ было много крысъ; выбѣжалъ онъ къ Насыръ-Эддину, сторговался и купилъ у него порошки. Насыръ-Эддинъ получилъ деньги и идетъ себѣ даль-

ше. Тѣмъ временемъ купившій порошки вспомнилъ, что онъ не справился, какъ употреблять ихъ въ дѣло; нагоняетъ онъ продавца и спрашиваетъ: „какъ-же этими порошками истреблять крысъ?

— Очень просто, говоритъ Насыръ-Эддинъ,—надо поймать крысу и насыпать ей немного порошка въ ноздри—она тутъ-же и околѣетъ.

— Да вѣдь если я поймаю крысу, то я просто могу убить ее чѣмъ случится,—возражаетъ купившій порошки.

— А это будетъ еще лучше, умный человѣкъ, отвѣтилъ Насыръ-Эддинъ,—тогда и порошки останутся у тебя цѣлы,—и сказавъ это пошелъ себѣ домой *).

Пришло однажды къ Насыръ-Эддину много гостей. Нужно угостить ихъ калмыцкимъ чаемъ, а котелокъ у него въ домѣ совсѣмъ маленькій, такъ что если сварить въ немъ чай, то на всѣхъ не хватитъ. Побѣжалъ онъ къ сосѣду и занялъ у него котелъ, сварилъ чаю, угостилъ своихъ гостей, а когда они ушли, вложилъ въ большой котелъ свой маленькій и понесъ оба котла къ сосѣду. Принесъ и отдаетъ ему ихъ Сосѣдъ заглянулъ въ свой котелъ и видитъ, что въ немъ лежитъ еще другой, маленькій, котелокъ.

— Что это за котелокъ?—спрашиваетъ онъ Насыръ-Эддина,—я тебѣ его не давалъ.

— Котелокъ! какой котелокъ? спрашиваетъ Насыръ-Эддинъ.

—Да этотъ вотъ,—указываетъ ему сосѣдъ на маленькій котелъ.

— Ей Богу, не знаю, говоритъ Насыръ-Эддинъ, у меня такого тоже не было. Видно, ты угоденъ Богу, и пока я несъ къ тебѣ твой котелъ, Богъ (для Него ничего нѣтъ невозможнаго) повелѣлъ большому котлу родить другой котелокъ.

Послѣ этого сосѣдъ взялъ оба котла, а Насыръ-Эддинъ ушелъ себѣ домой.

Черезъ нѣсколько времени Насыръ-Эддинъ опять приходитъ къ сосѣду просить котла. Тотъ съ радостью испол-

*) Разсказъ этотъ имѣется также въ „Чеченскомъ Букварѣ“ г. Бартоломея, но въ иномъ изложеніи. *Собиратель.*

няетъ просьбу и Насыръ-Эддинъ уноситъ котелъ домой. Проходитъ затѣмъ день, проходитъ два, три дня, а Насыръ-Эддинъ котла все не несетъ. Сосѣдъ самъ идетъ въ домъ къ Насыръ-Эддину съ просьбою возвратить ему котелъ.

— Бѣдный сосѣдъ мой!—восклицаетъ Насыръ-Эддинъ, твой котелъ давно уже покоится въ могилѣ!

— Какъ такъ? съ изумленіемъ спрашиваетъ сосѣдъ.

— Умеръ твой котелъ,—печально произноситъ Насыръ-Эддинъ.—Никто какъ Богъ! Въ прошлый разъ Онъ повелѣлъ ему родить, а теперь прекратилъ дни его жизни, и сынъ его да будетъ тебѣ утѣшеніемъ!"

Сосѣдъ Насыръ-Эддина ничего не могъ возразить противъ этого да такъ и ушелъ безъ котла.

Условился однажды Насыръ-Эддинъ съ Пророкомъ посѣять пополамъ пшеницу. Трудъ и сѣмена Насыръ-Эддинъ взялъ на себя, а Пророкъ обязался дать благопріятную погоду. Пшеница выросла такая, какой ни прежде того, ни послѣ никогда не было. Видитъ это Насыръ-Эддинъ и жаль ему стало отдавать Пророку половину пшеницы. Подумалъ онъ и придумалъ: сжалъ и обмолотилъ всю пшеницу, потомъ спряталъ ее въ лѣсу, прикрывъ травой и хворостомъ такъ, что ея ни откуда нельзя было видѣть; а самъ сѣлъ подлѣ спрятаннаго. Пророкъ спрашиваетъ Насыръ-Эддина: «мулла Насыръ-Эддинъ, гдѣ-же моя половина пшеницы?

— Да тамъ-же, гдѣ и моя, отвѣчаетъ Насыръ-Эддинъ; далъ-бы ты хорошую погоду—была-бы пшеница, а теперь вотъ хоть умирай съ голоду. Пророкъ разсердился на слова Насыръ-Эддина и чтобы наказать его за обманъ, послалъ на землю страшную грозу; молнія во всѣхъ направленіяхъ прорѣзывала то мѣсто, гдѣ была спрятана пшеница Насыръ-Эддина и мѣсто это освѣщалось какъ днемъ, хотя и была ночь. Насыръ-Эддинъ терпѣлъ—терпѣлъ, да и вскрикнулъ, обращаясь къ Пророку: „Будетъ, будетъ уже.... Вѣдь и днемъ свѣтлѣе не бываетъ, а пшеницы моей ты все-же не

видишь *). Разсмѣшили Пророка слова Насыръ-Эддина и онъ оставилъ ему свою половину пшеницы.

Однажды Насыръ-Эддинъ узналъ, что одинъ человѣкъ вывелъ продавать свою корову. А ему корова была нужна. Вотъ выходитъ онъ къ этому человѣку на встрѣчу и спрашиваетъ его: „Продаешь что-ли козла?“

— Какого козла?—спрашиваетъ хозяинъ коровы.

— А вотъ этого, котораго ты ведешь...

— Ты видно слѣпъ, потому и принимаешь корову за козла.

— Не слѣпъ я, говоритъ Насыръ-Эддинъ, но съ тобою должно быть джинъ **) повстрѣчался, а то не выдавалъ-бы ты козла за корову!

Хозяинъ коровы сильно разсердился, обругалъ Насыръ-Эддина и пошелъ дальше. Насыръ-Эддинъ забѣжалъ впередъ и, замѣтивъ кучку народа, мимо которой долженъ былъ пройти продавецъ коровы, упросилъ народъ въ шутку сказать, что продавецъ ведетъ не корову, а козла. Подходитъ къ этой кучкѣ хозяинъ коровы и кричитъ: кто корову купитъ?

— Козла ты хочешь сказать! кричитъ народъ.

— Да корову же я продаю, а не козла—возражаетъ продавецъ.

Народъ сталъ смѣяться и говорить: „должно быть этотъ человѣкъ потерялъ свой умъ: вывелъ козла и увѣряетъ всѣхъ; что это корова.» Разсерженный продавецъ пошелъ дальше, а Насыръ-Эддинъ успѣлъ тѣмъ временемъ уговорить другую кучку народа, стоявшую подальше и тоже по дорогѣ продавца, посмѣяться надъ хозяиномъ коровы и увѣрить его, что онъ водитъ козла. Подошелъ продавецъ къ этой кучкѣ и говоритъ: вотъ корова не нужна ли кому?

— Корова! Какъ корова? смѣется народъ.—Водитъ козла, а предлагаетъ купить у него корову.

*) Другой варіантъ: Насыръ-Эддинъ крикнулъ: „Ой! много ты свѣчей позажигалъ въ небѣ; но зажги ихъ еще тысячу, ты все-таки не найдешь моей пшеницы“.

**) Джинъ—злой духъ, отъ встрѣчи съ которымъ сходятъ съ ума.

Хозяинъ коровы оставилъ и эту кучку и пошелъ дальше; идетъ и думаетъ: должно быть я въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума, а то какъ же: мнѣ кажется что это корова, а всѣ другіе видятъ козла? Въ это время ему опять встрѣчается Насыръ-Эддинъ, переодѣвшійся въ другое платье, чтобы его нельзя было узнать и спрашиваетъ: „продаешь что-ли козла?“

— Продаю, козла продаю! отвѣтилъ хозяинъ коровы, да такъ и продалъ Насыръ-Эддину свою корову за козла.

Приходитъ однажды къ Насыръ-Эддину сосѣдъ его съ просьбою дать ему на день осла. Насыръ-Эддину не хотѣлось уважить просьбу сосѣда, но чтобы не обидѣть его прямымъ отказомъ, онъ сказалъ ему: „да осла моего дома нѣтъ, онъ на работѣ.“ Сосѣдъ уже направился-было домой, когда послышался крикъ осла Насыръ-Эддина, стоявшаго въ сараѣ.

— Какъ же ты сказалъ, что осла твоего дома нѣтъ? замѣтилъ сосѣдъ Насыръ-Эддину.—Слышишь, онъ самъ кричитъ, что дома.

— Глупый ты человѣкъ, какъ я вижу,—замѣтилъ на это Насыръ-Эддинъ:—ты мнѣ, муллѣ, служителю Бога, не вѣришь, а ослу моему вѣришь *).

Насыръ-Эддинъ какъ-то разъ сильно нуждался въ деньгахъ. Онъ давно уже замѣтилъ, что мимо его сакли по вечерамъ проходитъ въ мечеть для молитвы одинъ богатый и благочестивый человѣкъ, питающій къ нему, Насыръ-Эддину, особенное уваженіе. Вотъ однажды Насыръ-Эддинъ, въ ожиданіи прохода около его сакли богатаго человѣка, начинаетъ громко просить Бога: повелѣть ангелу своему спустить ему въ трубу камина 200 рублей. „А чтобы я зналъ, что эти деньги посланы тобою, Боже, пусть ихъ будетъ ровно 200 рублей; если же денегъ будетъ меньше или даже больше, то я подумаю, что это подарокъ шайтана и не приму ихъ, а обратно выброшу въ трубу“. Такъ повторялъ Насыръ-

(*) Разсказъ этотъ, въ иномъ изложеніи, помѣщенъ и въ „Чеченскомъ Букварѣ“ г. Бартоломея.

Эддинъ свою молитву, а богатый человѣкъ, проходившій въ это время въ мечеть и слышавшій слова муллы, рѣшился испытать его. Вернулся онъ домой, отсчиталъ 200 рублей безъ десяти копѣекъ, завернулъ ихъ въ тряпку, обвязалъ ее веревками и затѣмъ, взобравшись на саклю Насыръ-Эддина, бросилъ ему деньги въ трубу. Насыръ-Эддинъ радостно схватилъ ихъ и началъ пересчитывать; разъ пересчиталъ—недостаетъ десяти копѣекъ, пересчиталъ въ другой разъ—тоже, въ третій—тоже. „Какъ-же это, думаетъ Насыръ-Эддинъ,—вѣдь десяти копѣекъ не хватаетъ... Ахъ, глупый я человѣкъ! спохватился онъ вдругъ,—а тряпка и веревочка? они вѣдь какъ разъ стоятъ десять копѣекъ; вотъ и выходитъ ровно 200 рублей.“ Потомъ онъ завернулъ деньги въ тряпочку и спряталъ ихъ. Богатый человѣкъ все это видѣлъ и порѣшилъ на другой день взять у Насыръ-Эддина обратно свои деньги.

На другой день приходитъ онъ къ Насыръ-Эддину съ требованіемъ своихъ денегъ.

— Какія деньги? Когда я у тебя ихъ бралъ?—спрашиваетъ Насыръ-Эддинъ.

Богатый человѣкъ разсказалъ ему все: какъ онъ ночью проходилъ мимо его сакли, какъ услышалъ его молитву и, желая испытать его честность, бросилъ ему въ трубу 200 рублей, безъ десяти копѣекъ. Насыръ-Эддинъ выслушалъ разсказъ и говоритъ: ты врешь все; деньги я просилъ у Бога и Онъ прислалъ ихъ мнѣ съ своимъ ангеломъ.

— Когда такъ, говоритъ богатый человѣкъ, то пойдемъ разбираться у нашего кадія.

— Пойдемъ, согласился Насыръ-Эддинъ.

Пошли они къ кадію, но только что вышли изъ аула, Насыръ-Эддинъ остановился и объявилъ, что не пойдетъ дальше.

— Пойдемъ пожалуйста, упрашиваетъ его богатый человѣкъ.

— Нѣтъ, не пойду. Ты вотъ на конѣ, въ хорошемъ платьѣ и оружіи, а я пѣшій и въ изодранномъ платьѣ. Придемъ мы къ кадію, ты богатый, а я бѣдный: онъ конечно тебя оправдаетъ, а меня обвинитъ.

— Если въ этомъ дѣло, говоритъ богатый человѣкъ,—то вотъ тебѣ мой конь, мое платье и оружіе. Мое дѣло правое и я не боюсь показаться на глаза кадія въ плохомъ платьѣ и пѣшкомъ.

Насыръ-Эддинъ надѣлъ на себя платье и оружіе своего спутника, сѣлъ на его коня и поѣхалъ въ домъ кадія. Когда онъ пріѣхалъ, къ тому же времени пришелъ пѣшкомъ и богатый человѣкъ. Кадій спрашиваетъ ихъ,—по какому дѣлу вы пришли ко мнѣ? Богатый человѣкъ разсказалъ, какъ Насыръ-Эддинъ хитростью выманилъ у него 200 рублей безъ десяти копѣекъ и просилъ присудить муллу къ уплатѣ этихъ денегъ. Спрашиваетъ кадій Насыръ-Эддина: правду-ли говоритъ этотъ человѣкъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Насыръ-Эддинъ, денегъ я у него не бралъ, а онъ, должно быть, подслушалъ мою молитву къ Богу о ниспосланіи мнѣ 200 рублей и подсмотрѣлъ, какъ ангелъ небесный спускалъ мнѣ ихъ въ трубу,—вотъ онъ и хочетъ теперь неправдою отнять у меня эти деньги.

— Валлаги, билляги, таллаги *) началъ клясться богатый человѣкъ.— Положи коранъ, обратился онъ къ кадію,—я присягну на немъ, что не ангелъ небесный, а я спустилъ Насыръ-Эддину въ трубу 200 рублей безъ десяти копѣекъ.

— О кадій! крикнулъ Насыръ-Эддинъ: этотъ человѣкъ хочетъ обмануть Бога также, какъ онъ обманываетъ тебя! Въ чемъ онъ не присягнетъ? онъ присягнетъ даже въ томъ, что я стою предъ тобою въ его платьѣ!

— Да мое-же на тебѣ платье,—отозвался богатый человѣкъ.

— Слышишь, кадій! Ужъ не твое-ли и оружіе на мнѣ? обратился Насыръ-Эддинъ къ истцу.

— Мое!

— Скажи еще, что и конь, на которомъ я пріѣхалъ сюда, тоже твой!

— Мой!

---

*) Первыя слова мусульманской присяги; употребляются и какъ клятва.

— Видишь, кадій! Если онъ не лгунъ, то сумасшедшій! произнесъ Насыръ-Эддинъ.

Выслушавъ разговоръ Насыръ-Эддина съ богатымъ человѣкомъ, кадій обратился къ послѣднему:—ты во истину, лжецъ и въ твоемъ послѣднемъ заявленіи столько-же правды, сколько и въ первомъ, и потомъ отказалъ ему въ его искѣ.

Такъ Насыръ-Эддинъ и сдѣлался полнымъ обладателемъ денегъ, платья, оружія и коня богатаго человѣка *).

Послѣ того Насыръ-Эддинъ недолго прожилъ въ довольствѣ, а потомъ опять впалъ въ бѣдность. Вотъ онъ досталъ гдѣ-то три золотыхъ, сунулъ ихъ подъ хвостъ своему ослу и повелъ его на базаръ продавать. Пришелъ на базаръ и кричитъ: „кто купитъ осла, который сыплетъ золото!“ На крикъ его сбѣжался народъ и началъ смѣяться надъ нимъ: „а ну, покажи, какъ твой оселъ золото сыплетъ!.. До сихъ поръ мы про такое чудо не слыхивали!“ Насыръ-Эддинъ взялъ палку и ударилъ ею осла по спинѣ; оселъ по обыкновенію брыкнулъ при этомъ задними ногами и изъ подъ хвоста его выпалъ одинъ золотой. Черезъ нѣсколько времени Насыръ-Эддинъ повторилъ тоже самое—и опять выпалъ золотой; повторилъ онъ это въ третій разъ—и въ третій разъ выпалъ золотой. Тутъ народъ пересталъ смѣяться и бывшіе на базарѣ купцы пристали къ Насыръ-Эддину, чтобы онъ имъ сказалъ цѣну своего осла. Насыръ-Эддинъ назначилъ три тысячи. Купцы сразу заплатили ему деньги и просятъ разсказать, какъ слѣдуетъ содержать осла, чтобы онъ постоянно сыпалъ золото. Спрятавъ полученныя деньги, Насыръ-Эддинъ говоритъ купцамъ: „прежде всего знайте, что этотъ оселъ не простой, за нимъ и уходъ особый нуженъ! Поставьте его въ совсѣмъ темной конюшнѣ и три мѣсяца кормите постоянно ячменемъ и поите чистой водой; эти три

*) Другой варіантъ этого разсказа находится въ „Чеченскомъ Букварѣ“ г. Бартоломея.

мѣсяца вы въ конюшню не заглядывайте, а когда они пройдутъ, можете войти въ конюшню и тогда вы увидите тамъ цѣлыя горы золота.“ Послѣ этихъ словъ онъ простился съ купцами и пошелъ себѣ домой.

Купцы сдѣлали все такъ, какъ имъ велѣлъ Насыръ-Эддинъ; поставили осла въ темной конюшнѣ и три мѣсяца безпрерывно кормили его ячменемъ и поили чистой водой. Когда-же прошелъ трехмѣсячный срокъ, они отперли конюшню и вошли въ нее, въ надеждѣ собрать цѣлую груду золота и... конечно ничего не нашли. Между тѣмъ разжирѣвшій отъ хорошаго корма оселъ бросился вонъ изъ конюшни и, какъ бѣшенный, началъ бѣгать по аулу, наскакивая на женщинъ и дѣтей, и кончилъ тѣмъ, что самъ свалился подъ кручу и издохъ, а на головы купцовъ, хозяевъ своихъ, накликалъ брань и проклятья.

Видятъ купцы, что Насыръ-Эддинъ надулъ ихъ и отправляются къ нему требовать обратно свои деньги. А Насыръ-Эддинъ ужъ узналъ объ этомъ. Взялъ онъ бараній пузырь, наполнилъ его кровью, привязалъ его своей женѣ на шею, и далъ такое наставленіе: „когда придутъ купцы, я велю тебѣ поскорѣе приготовить для нихъ закуску; ты скажи: „не хочу готовить“, и все тверди одно и тоже. Я какъ будто разсержусь и ударю ножомъ по пузырю, а ты упадешь, какъ зарѣзанная. Когда-же я заиграю на зурнѣ надъ твоимъ ухомъ, ты вскочишь, какъ будто игра снова оживила тебя“.

Пришли купцы въ домъ Насыръ-Эддина и начали кричать на него: зачѣмъ онъ ихъ обманулъ! Насыръ-Эддинъ кричитъ женѣ: „Жена! готовь скорѣе закуску для нашихъ почетныхъ гостей!„ Жена кричитъ: не хочу готовить!.

— Готовь! кричитъ Насыръ-Эддинъ.

— Не хочу! еще громче кричитъ жена.

— Охъ, жена, въ тебя опять Ивбизъ *) влѣзъ, живо готовь!

— Не хочу!.

---

*) *Ивбизъ*—злой духъ, дьяволъ; основныя качества *ивбизи*—злость, лукавство и хитрость.

Насыръ-Эддинъ выхватилъ изъ-за кинжала ножъ, подбѣжалъ къ женѣ и съ размаху полоснулъ по пузырю, висѣвшему на ея шеѣ. Жена вскрикнула и упала; какъ зарѣзанная.

Сильно смутились купцы и начали ругать Насыръ-Эддина: „Охъ, ты дуракъ! охъ, ты собака! повторяли они.—Ну, за что ты зарѣзалъ свою жену?“.

— Не смущайтесь, мои гости!—произнесъ Насыръ-Эддинъ.—Лучше было ей умереть, чѣмъ срамить меня передъ моими гостями. Но, если вамъ угодно, прикажите: я сейчасъ оживлю ее.—Послѣ этихъ словъ снялъ онъ съ гвоздя свою зурну, подошелъ къ женѣ и поигралъ надъ ея ухомъ. Жена вскочила, какъ внезапно ожившая.

Удивленные купцы пристали къ Насыръ-Эддину, чтобы онъ продалъ имъ свой оживляющій рогъ.—„Славная это штука для нашихъ женъ, славная!—повторяли они.—Продай намъ ее пожалуйста!“. Насыръ-Эддинъ долго не соглашался, но наконецъ уступилъ просьбамъ купцовъ, взялъ съ нихъ еще три тысячи рублей и отдалъ имъ свою зурну, послѣ чего купцы ушли домой.

Пришли они домой и пожелали показать народу, какую диковинную вещь они добыли. Вотъ одинъ изъ нихъ созвалъ къ себѣ гостей и въ присутствіи ихъ зарѣзалъ свою жену. Потомъ взялъ купленный рогъ, приставилъ его къ уху покойной и началъ играть; игралъ, игралъ онъ, но зарѣзанной воскресить не могъ. Думая, что тутъ что нибудь не такъ, этотъ купецъ передалъ рогъ другому. Другой тоже зарѣзалъ свою жену и тоже хотѣлъ оживить ее игрою на зурнѣ, но какъ и первый ничего не добился. Все еще не вѣря, чтобы зурна не оживляла людей, зарѣзалъ свою жену и третій купецъ, зарѣзалъ и началъ трубить надъ ухомъ покойной, однако зурна и въ третій разъ не проявила своей силы.

Похоронивъ своихъ женъ, купцы поклялись розыскать Насыръ-Эддина и застрѣлить его, какъ собаку. Насыръ-Эддинъ опять узналъ о замыслахъ своихъ враговъ и говоритъ женѣ: «я пойду на кладбище, выкопаю себѣ могилу и лягу въ нее: ты закрой могилу досками, какъ будто я умеръ, а когда придутъ купцы и спросятъ, гдѣ твой мужъ? ты скажи: онъ умеръ, и покажи имъ мою могилу».

Какъ говорилъ Насыръ-Эддинъ, такъ все и было сдѣлано: выкопалъ онъ себѣ могилу и легъ въ ней, а жена закрыла его досками и вернулась домой.

Пришли купцы и спрашиваютъ жену Насыръ-Эддина: „гдѣ твой мужъ?“

— Охъ! умеръ мой мужъ,—говоритъ она, а сама плачетъ и бьетъ себя руками въ грудь.

— Ты обманываешь насъ, дурная женщина! крикнули купцы,—онъ не умеръ; а если умеръ, то покажи намъ его могилу.

Жена Насыръ-Эддина повела купцовъ на кладбище и показала имъ свѣжую могилу своего мужа. Видятъ они, что Насыръ-Эддинъ и вправду умеръ и что съ нимъ теперь ничего не подѣлаешь, помянули его нехорошими словами, плюнули каждый на его могилу, да съ тѣмъ и ушли. А Насыръ-Эддинъ, по уходѣ ихъ, пришелъ домой и зажилъ себѣ опять припѣваючи.

Однажды мулла Насыръ-Эддинъ былъ передъ лицомъ Шаха Аксакъ-Темира (Тамерлана). Шахъ и говоритъ ему:

— Мулла Насыръ-Эддинъ, скажи мнѣ: сколько звѣздъ на небѣ?

— Столько-же, сколько шерстинокъ на моей папахѣ, отвѣтилъ Насыръ-Эддинъ.

— Ты врешь, мулла! вскричалъ Аксакъ-Темиръ.

— Лучше быть нѣмымъ, чѣмъ говорить неправду,— произнесъ Насыръ-Эддинъ и добавилъ:—если ты не вѣришь мнѣ, то сосчитай шерстинки на моей папахѣ, а потомъ пересчитай и звѣзды на небѣ,—и не я, а ты устыдишься за себя...

Въ другой разъ Аксакъ-Темиръ спрашиваетъ Насыръ-Эддина: „гдѣ середина земли?“. Насыръ-Эддинъ осмотрѣлся вокругъ себя и, замѣтивъ неподалеку курганъ, взошелъ на него, воткнулъ въ средину кургана палку и сказалъ: середина земли здѣсь!

— Ты навѣрное обманываешь меня! опять вскричалъ Шахъ,—я велю отрубить тебѣ голову!

— А захочешь, такъ развѣ ты не сдѣлаешь этого? произнесъ мулла:—„но прикажи лучше своимъ слугамъ повѣрить мои слова и ты увидишь, что бѣдный мулла сказалъ правду.

Аксакъ-Темиръ похвалилъ Насыръ-Эддина за его умъ и они потомъ сдѣлались друзьями (*).

Однажды Насыръ-Эддинъ понесъ Аксакъ-Темиру въ подарокъ жаренаго гуся. Дорога была дальняя и мулла почуствовалъ сильный голодъ. Долго онъ крѣпился, но наконецъ не утерпѣлъ и съѣлъ одну ножку гуся. Затѣмъ онъ приходитъ къ Аксакъ-Темиру и передаетъ ему свое приношеніе. Тотъ замѣтилъ, что у гуся не достаетъ одной ноги и говоритъ муллѣ, разсердившись: „какъ ты смѣлъ принести мнѣ не цѣлаго гуся? гдѣ у него другая нога?“

— Другая нога? спрашиваетъ Насыръ-Элдинъ,—такъ развѣ бываютъ и двуногіе гуси? Какъ это удивительно! И почему это Богъ другимъ далъ двуногихъ гусей, а намъ только одноногихъ?

— Ты плутъ, Насыръ-Эддинъ, вскричалъ Шахъ, и за этотъ обманъ тебѣ худо будетъ.

— Да гдѣ-же мнѣ взять двуногаго гуся, взмолился Насыръ-Эддинъ.—Взгляни, вонъ какіе наши гуси, указалъ онъ Шаху въ поле, гдѣ замѣтилъ гуся стоявшаго, какъ это часто бываетъ, на одной ногѣ.

Аксакъ-Темиръ, чтобы уличить обманщика, взялъ ружье, приблизился къ гусю и прицѣлился въ него. Испуганный гусь поднялся и полетѣлъ—причемъ показались его обѣ ноги.—„Видишь, мулла, сколько ногъ у гуся въ здѣшнихъ мѣстахъ?“

— О Шахъ! воскликнулъ Нассыръ-Эддинъ, что-же удивительнаго, что у гуся появились теперь двѣ ноги. Еслибы

(*) До этого мѣста настоящій разсказъ находится и въ „Букварѣ“ г. Бартоломея, конечно, въ иномъ изложеніи.

въ твою милость прицѣлились изъ ружья, то можешь ли ты поручиться, что вмѣсто двухъ ногъ у тебя бы не выросли ихъ вдругъ четыре!...

Аксакъ-Темиръ разсмѣялся и не только принялъ отъ Насыръ-Эддина его приношеніе, но еще далъ ему много золота и отпустилъ его домой.

III.

ЛЕГЕНДЫ.

1.

Хорачоевская легенда *).

(Записана въ Ичкеріи).

Нѣкогда въ Хорачоевскомъ ущельи жило гордое племя, состоявшее изъ семи братьевъ и матери ихъ. Племя это называлось Эрбый, а мать семи братьевъ носила имя Эрте-Эмиль. Если не было на свѣтѣ людей сильнѣе Эрбый, то и не было женщины красивѣе и пышнѣе Эрте-Эмиль. Изъ гордости братья построили себѣ высокую башню, а потомъ достали живой воды и хотѣли напиться ея, что бы прожить

*) Аулъ Хорачой расположенъ на днѣ глубокаго ущелья того же названія, въ которомъ пролегаетъ дорога, соединяющая укр. Ведень (Ичкерія) съ укр. Ботлихъ (Средній Дагестанъ). Отъ Ведень—нѣкогда резиденціи Шамиля—Хорачой отстоитъ верстахъ въ десяти. Мѣстоположеніе его очень живописно. Аульныя строенія расположены у подошвы высокой горы, извѣстной у русскихъ подъ названіемъ „Покосной„, по склону которой, обращенному къ аулу, по гладкой скалистой поверхности, съ шумомъ спадаютъ свѣтло-зеленыя струи ключевой воды, вытекающей у вершины горы. Впереди аула рѣчка Ахкъ, а за нею высятся голыя скалы, напоминающія собою каменистый и угрюмый Дагестанъ. Подобно гигантскому сказочному змѣю, безконечною широкою лентой извивается по этимъ горамъ казенная дорога, вырубленная въ скалистомъ грунтѣ, „Царская дорога“, какъ называютъ ее веденцы, послѣ проѣзда по ней, въ 1871 году, покойнаго Государя Александра Николаевича. Между двумя грядами горъ, образующихъ Хорачоевское ущелье, внизу, къ югу отъ аула, тянется высокая и узкая коса, на оконечности которой, верстахъ въ трехъ отъ аула, какъ на остріе меча, возвышается каменная башня, давно уже принявшая наклонное положеніе, полуразрушенная, но еще не развалившаяся. Башня формы четырехъгранной пирамиды, съ усѣченной верхушкой и сложена изъ дикаго камня. Что кладка башни была прочная, доказывается ея существованіемъ и въ настоящее время. Кѣмъ она построена—предками-ли нынѣшнихъ Ичкеринцевъ, или пришельцами изъ Дагестана, или другими невѣдомыми намъ обитателями страны?—на этотъ вопросъ ни сама

до дня воскресенія (мертвыхъ). Найденную воду они спрятали въ башнѣ, а сами пошли сзывать къ себѣ своихъ друзей—пріятелей, желая и ихъ напоить живой водой. Когда они ушли, мать ихъ Эрте-Эмиль надумалась вымыть что-то изъ свой одежды; стала она искать воды и напала на живую воду, спрятанную ея сыновьями. Не зная свойства этой воды, она взяла ее, сначала отпила немного, а остальное употребила на мытье одежды. Окончивъ свое дѣло, Эрте-Эмиль вылила помои на дворъ, гдѣ ими утолили жажду пѣтухъ и барашекъ. Приходятъ домой братья Эрбый, начинаютъ разыскивать воду и не находятъ. Страшно разсердившись, они спрашиваютъ мать: „куда дѣвалась принесенная нами живая вода?"—Живая? восклицаетъ мать;—про какую живую воду вы говорите? Была тутъ вода—я взяла да вымыла ею что мнѣ было нужно изъ одежды.—Услышавъ это братья сказали между собою: „Послѣ того, что сдѣлала съ нами мать наша, намъ нельзя дольше жить съ нею вмѣстѣ", —и немедля ушли изъ родительскаго дома.

Шли они очень долго и въ одномъ мѣстѣ повстрѣчались съ страшнымъ змѣемъ, пожиравшимъ и скотъ и людей.

Братья не испугались змѣя и начали войну съ нимъ. Воевали они съ нимъ долго, пока не обратили его наконецъ въ бѣгство, но и тогда они не оставили врага: онъ бѣжитъ и они бѣгутъ за нимъ, гдѣ онъ бѣжалъ, земля опускалась подъ тяжестью его тѣла и такимъ образомъ по его слѣду образовалась глубокая балка (та самая, по которой нынѣ течетъ рѣка Сунжа), и такъ бѣжали до тѣхъ поръ, пока не нагнали его, а нагнавши не убили. Послѣ того братья пошли себѣ дальше, но куда они зашли и гдѣ поселились—ни одинъ человѣкъ этого не знаетъ. Мать ихъ Эрте-Эмиль и пѣ-

---

башня, ни народныя сказанія не даютъ достовѣрнаго отвѣта; но я склоненъ думать, что строителями башня были Дагестанцы, такъ какъ по формѣ своей и по кладкѣ камня она ничѣмъ не отличается отъ подобнаго рода сооруженій въ Дагестанѣ. Между веденцами ходитъ мнѣніе, будто на потолкѣ башни высѣченъ или выложенъ каменный крестъ. Я этого не замѣтилъ, хотя и очень внимательно разсматривалъ потолокъ. Эта-то башня и послужила предметомъ приводимой здѣсь легенды.

тухъ съ барашкомъ, напившіеся живой воды, живутъ—говорятъ люди—и теперь, и будутъ жить до дня воскресенія. Еще говорятъ, что Эрте-Эмиль все ходитъ по свѣту, все ходитъ разыскивая своихъ сыновей и пѣтухъ съ барашкомъ всюду сопровождаютъ ее.

2

Ялхой-мохкская легенда *).

(Записана въ Ичкеріи).

Въ прежнія времена аулъ Ялхой-мохкъ противъ нынѣшняго былъ гораздо больше. Въ немъ жили семь братьевъ—богатырей, отличавшихся большой силой и молодечествомъ. Всѣ ихъ сильно боялись, такъ какъ имъ ничего не стоило у кого отнять жену, у кого дочь, и самимъ жениться на нихъ. Была у братьевъ единственная сестра такой красоты, что, пожалуй, красивѣе всѣхъ на свѣтѣ. Однажды она вышла на родникъ и начала мыть въ немъ вату: вату она положила на серебряную доску и, поливая ее водою изъ родника, била потомъ золотыми палками. Въ то время когда она это дѣлала, подошли къ роднику пастухи съ горъ и замѣтили, что у нея сквозь разорванное платье что-то бѣлѣется, какъ молоко или какъ только что выпавшій снѣгъ. Пастухи остановились и спросили сестру богатырей: «дѣвушка, что это у тебя бѣлѣется: лоскутокъ платья или тѣло твое?“ Она сказала „тѣло.“—„Ой-ой! какое бѣлое тѣло!“ удивились пастухи и ушли себѣ. Сестра богатырей окончила свое дѣло и и пошла домой, а вскорѣ послѣ того умерла отъ дурнаго глаза пастуховъ. Братья выкопали могилу и похоронили сестру Потомъ младшій изъ нихъ пошелъ на рѣчку Гумсъ и отыскалъ каменный столбъ для памятника на могилѣ се-

*) Ялхой-мохкъ—небольшой Ичкерійскій аулъ, на кладбищѣ котораго дѣйствительно свалена груда камней, по формѣ напоминающая обыкновенную насыпь, только въ большихъ размѣрахъ, дѣлаемую туземцами надъ могилами своихъ покойниковъ.

стры; но столбъ былъ такой тяжелый, что восемь паръ быковъ не могли тронуть его съ мѣста. Младшій братъ разсердился, взвалилъ столбъ себѣ на плечи, да одинъ и принесъ его на кладбище; потомъ онъ одинъ же и сразу вткнулъ его въ землю около могилы сестры. Стоитъ этотъ памятникъ и теперь, и на немъ ясно видны слѣды пальцевъ богатыря *).

Покончивъ съ похоронами сестры, братья сказали другъ другу: „теперь намъ нечего дѣлать здѣсь, пойдемте путешествовать по свѣту.“ И пошли они путешествовать по свѣту; шли очень долго и почувствовали сильный голодъ. Тогда они завернули въ аулъ и зашли въ саклю одной бѣдной вдовы. Вдова приняла ихъ какъ гостей, попросила сѣсть отдохнуть и начала готовить для нихъ закуску. Сначала она разложила огонь и повѣсила надъ нимъ котелъ, да такой большой, что въ немъ навѣрное можно бы сварить цѣлаго быка или лошадь, а потомъ взяла и бросила въ котелъ такой маленькій кусочекъ мяса, что видѣть нечего было. Замѣтивъ это, братья говорятъ одинъ другому: „что намъ въ этомъ кусочкѣ мяса? Она хочетъ насъ оставить голодными.“ Между тѣмъ мясо сварилось и вдова проситъ кого нибудь изъ братьевъ снять котелъ съ огня. Пошелъ старшій братъ, бился, бился, но снять котла не могъ; пришелъ къ нему на помощь второй братъ, потомъ третій, потомъ четвертый, но и въ четверомъ они ничего не могли сдѣлать. Тогда вдова пошла сама и одной рукой сняла котелъ съ огня. Начала она выкладывать изъ котла мясо и выложила его столько, какъ будто въ него былъ положенъ цѣлый быкъ. Затѣмъ она бросила въ котелъ голушки, приготовленныя изъ горсточки муки, и опять повѣсила его надъ огнемъ. Когда же и голушки сварились, вдова выложила ихъ вмѣстѣ съ мясомъ на нѣсколько огромныхъ блюдъ и предложила гостямъ закусить. Гости наѣлись до сыта, а мяса и голушекъ

*) Многіе Ичкеринцы увѣряли меня, что они сами видѣли памятникъ и что на немъ ясно сохранились слѣды пальцевъ гигантской руки. Конечно, въ ноздреватой поверхности каменныхъ глыбъ, долго подвергавшихся дѣйствію атмосферы, при извѣстной игрѣ воображенія можно усмотрѣть все, что угодно.

осталось еще столько, что хватило бы на сто человѣкъ. Утоливши голодъ, братья и спрашиваютъ свою хозяйку: „какъ это ты сдѣлала, что изъ положенныхъ въ котелъ маленькаго куска мяса и горсточки муки у тебя наварилось такъ много мяса и голушекъ?“ Вдова не знала, что гости ея богатыри, и на вопросъ ихъ отвѣтила такъ: „Дай Богъ погибнуть всѣмъ нынѣшнимъ богатырямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эти люди появились на свѣтъ, все въ мірѣ стало оскудѣвать; теперь ужъ нѣтъ и не будетъ ни той пшеницы, ни того мяса, которыя были прежде, и то, чѣмъ я васъ накормила—это послѣдніе остатки прежнихъ произведеній.“ И еще разъ сказала: „пусть будетъ проклято народившееся племя богатырей!“

Печально выслушали братья проклятье старухи и, простившись съ нею, отправились обратно въ свой аулъ Ялхой-мохкъ, а когда пришли, то почувствовали, что имъ стало тяжело жить на свѣтѣ. Подумали они и рѣшились умереть. Отправившись на ялхой-мохкское кладбище, братья вырыли себѣ тамъ одну общую могилу и натаскали къ ней съ Гумса много камней. Потомъ, возвратившись въ аулъ, они собрали все аульное населеніе и, объявивъ ему о своемъ рѣшеніи умереть, завѣщали, чтобы послѣ смерти ихъ всѣхъ положили въ одну общую могилу и надъ могилою сдѣлали курганъ изъ заготовленныхъ ими камней. Послѣ этихъ распоряженій, братья расплавили въ огромномъ котлѣ красную мѣдь и начали пить ее изъ огромныхъ чашекъ; младшій братъ наполнялъ чашки и угощалъ шестерыхъ старшихъ, а когда шестеро старшихъ напившись мѣди попадали на полъ сакли, онъ поднялъ котелъ и самъ выпилъ все, что въ немъ оставалось. Но не сразу умерли братья; они еще долго мучились, восклицая одинъ за другимъ: „Ой, все кипитъ у меня внутри, ой, все кипитъ!..“ И сказали они собравшемуся народу: „Пусть дно котла будетъ вѣчно напоминать вамъ, какъ кипитъ у насъ внутри“. Умерли братья и народъ исполнилъ ихъ завѣщаніе: положивъ ихъ всѣхъ въ одну общую могилу, онъ воздвигъ на ней курганъ изъ заготовленныхъ камней.

Такъ умерли ялхой-мохкскіе богатыри, предки нынѣшнихъ ялхой-мохкцевъ, и дно котла до нынѣ напоминаетъ всѣмъ объ ихъ страданіяхъ передъ смертью. Надейте въ ко-

телъ воды и поставьте его на огонь; когда огонь разгорится, въ котлѣ начнется шумъ и этотъ шумъ напоминаетъ намъ о томъ, какою смертью умерли наши (ялхой-мохкцевъ) предки.

3.

Легенда объ образованіи озера Эзень-амъ *).

(Записана на самомъ озерѣ).

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро Эзень-амъ, нѣкогда былъ аулъ Эзеной, въ которомъ жили люди, не почитавшіе Бога. Они не знали никакой религіи, много грѣшили и главное—забыли обычай гостепріимства. Случилось, что въ аулѣ этомъ спустился съ неба ангелъ Божій и подъ видомъ

*) Озеро Эзень-Амъ пріютилось въ разсѣлинѣ Кавказскихъ горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Андійскаго хребта. Оно лежитъ въ 4—5 верстахъ къ югу отъ извѣстнаго Керкетскаго перевала, раздѣляющаго Ичкерію съ Дагестаномъ. Дорога изъ укр. Ведень въ укр. Ботлихъ пролегаетъ по восточному берегу озера, у самого края отвѣснаго обрыва, упирающагося въ воду подъ прямымъ угломъ. Озеро лежитъ подъ 42°—47¹ сѣв. широты и 63°—49¹ восточ. долготы; высота его 6130 фут. надъ уровнемъ моря. Оно состоитъ какъ бы изъ двухъ продольныхъ озеръ, соединяющихся между собою почти подъ прямымъ угломъ. Первое озеро, сѣверное, имѣетъ въ длину около 400 и въ ширину около 150 саж.; второе, направляющееся отъ южной стороны перваго къ западу, имѣетъ въ длину 1—1½ версты и въ ширину 150—200 саж. Поразителенъ видъ этаго озера съ сѣвера, съ Керкетскаго перевала. Представьте себѣ безконечныя гряды голыхъ и угрюмыхъ горъ съ тощею ростительностью въ видѣ чуть поднимающейся отъ земли травы и грудами темно-сѣрыхъ кампей, то одиноко торчащихъ, какъ стѣны гигантскихъ крѣпостей и дворцовъ, то какъ будто намѣренно собранныхъ и сваленныхъ въ громадныя массы. Нигдѣ ни одного деревца, никакого признака жизни... Вы чувствуете себя совершенно подавленнымъ этою дикою и мертвою величавостью окружающей природы,—и вдругъ взору вашему открывается блестящая площадь воды, отливающей зеленью изум-

нищаго началъ обходить дома, прося пищи и ночлега. Долго онъ ходилъ по аулу, обошелъ дома и почетныхъ, и простыхъ людей, и богатыхъ, и бѣдныхъ, но никто его къ себѣ въ домъ не принялъ и пищи ему не предложилъ; напротивъ того, нашлись люди, которые ругали его и травили собаками. Въ самомъ концѣ селенія жила одна бѣдная вдова, существовавшая кой-какъ своими трудами. Нищій, обошедши весь аулъ, подошелъ и къ ея дому и попросился ночевать къ ней. Вдова съ радостію приняла его, угостила чѣмъ могла и приготовила ему собственную постель для отдыха. Когда нищій поѣлъ и отдохнулъ, онъ обратился къ вдовѣ съ такимъ словомъ: „Я не нищій, я ангелъ Божій, пришедшій испытать Эзенойцевъ. Теперь вотъ Богъ видитъ, что Эзенойцы злой народъ и за это они потерпятъ страшное наказаніе: земля раскроется и поглотитъ этотъ аулъ со всемъ, что есть въ немъ; послѣ-же того, на память всѣмъ людямъ, здѣсь образуется глу-

---

руда. Въ этой внезапности появленія воды, среди скалъ и на такой высотѣ, есть что-то причудливо-странное, сказачно-фантастическое. Но вотъ вы медленно спустились къ озеру по винтообразной дорогѣ, извивающейся по склону хребта; здѣсь уже другой видъ, столько-же своеобразный и поразительный, но производящій другое, какое-то отрадное впечатлѣніе. Прямо передъ вами, справа, какъ колонны гигантскаго храма, поднимаются высокія сѣрыя скалы и между ними разстилается блестящее изумрудное зеркало, обрамленное зеленью кустарниковъ и камыша. Господствующій здѣсь полумракъ и вдали узкій проходъ между отвѣсныхъ скалъ, изъ котораго въ вечерній часъ брызжутъ на воду пурпурные лучи заходящаго солнца, дѣлаютъ этотъ уголокъ полнымъ величавой таинственности. Другая часть озера—западная—открывается только послѣ въѣзда въ проходъ и далеко не имѣетъ вида первой части. Окружающія ее горы ниже и отложе. Въ концѣ этой части мѣстность оживляется видомъ аула Хой, населеннаго чеченцами.

Какъ извѣстно, при Шамилѣ, на Эзень-амѣ находилось селеніе, жители котораго состояли изъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ. Шамиль, по разсказамъ туземцевъ, очень благоволилъ къ жителямъ колоніи, ограждалъ ихъ отъ своеволія и насилій со стороны окрестнаго населенія, но взамѣнъ того пользовался ихъ услугами въ качествѣ кузнецовъ, оружейниковъ, слесарей, плотниковъ, вообще ремесленниковъ. Этимъ колонистамъ, судя по воспоминаніямъ тѣхъ же туземцевъ, на Эзень-амѣ

бокое озеро, которое будетъ существовать вѣчно". Сказавъ это, нищій добавилъ: „собери ты все свое семейство и уходи на сосѣднюю гору, не открывая никому, что узнала отъ меня". Вдова исполнила приказаніе нищаго: собрала все свое семейство и ушла съ нимъ на сосѣднюю высокую гору. И только что она успѣла подняться на гору, земля раскрылась и поглотила аулъ Эзеной со всѣми жителями, а послѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ аулъ, образовалось озеро Эзень-амъ на память людямъ. Разказываютъ старики, что прежде ежегодно выходилъ изъ озера на берегъ быкъ съ золотыми рогами и потомъ опять уходилъ въ озеро. Можетъ быть быкъ выходитъ и теперь, но его никто не видитъ. Говорятъ еще, что на днѣ озера много золота, но провѣрить этого никому не удавалось

жилось не дурно; были у нихъ тамъ огороды для овощей, была лодка для ловли рыбы въ озерѣ; муку для хлѣба имъ поставляли туземцы и они выпекали для себя хлѣбъ такой, что окрестные жители смотрѣли на него, какъ на лакомство.

Не могу удержаться, чтобы не передать здѣсь слышаннаго мною на озерѣ разсказа о ловкости, съ какою Шамиль умѣлъ хоронить концы въ воду. Шамилю понадобилось зарыть въ землю какія-то драгоцѣнности. Онъ пришелъ ночью въ колонію на Эзень-амѣ, взялъ оттуда двухъ солдатъ и отправился съ ними въ горы. Выбравъ мѣсто, Шамиль заставилъ своихъ спутниковъ выкопать двѣ ямы. Когда ямы были готовы, онъ положилъ въ одну изъ нихъ свои драгоцѣнности и заставилъ солдатъ завалить яму и сравнять ее съ землею. Послѣ того онъ развелъ своихъ спутниковъ въ разныя стороны и поставивъ одного изъ нихъ лицомъ въ одну сторону, а другаго въ другую, противоположную, крикнулъ громкимъ голосомъ, чтобы никто изъ нихъ не смѣлъ оборачиваться, пока онъ не скажетъ. Подскочивъ затѣмъ къ одному солдату, Шамиль ловкимъ ударомъ кинжала отрубилъ ему голову; расправился такимъ-же образомъ съ другимъ солдатомъ—было дѣломъ одной минуты. Покончивъ съ своими жертвами, Шамиль стащилъ ихъ въ другую, ими же приготовленную яму и самъ закопалъ ихъ. Этимъ способомъ хитрый Имамъ навсегда избавился отъ лицъ, которыя бы могли, если не откопать драгоцѣнности, то хоть разгласить о' ночной сценѣ, свидѣтелями которой они были, и тѣмъ породить охоту въ другихъ разыскать схороненную казну.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . I—XXIX

I. Сказки богатырскія и волшебныя.

Сказка про то, какіе на свѣтѣ жили могучіе великаны и богатыри 3

Сказка про колдуній—великаншъ 6

Сказка про трехъ братьевъ 7

Сказка про молодца чеченца и богатыря Ногая . . . 12

Сказка про то, какъ ханскій сынъ Шейхъ-Исмаилъ, въ погонѣ за одною обманщицею, пріобрѣлъ себѣ трехъ женъ 18

Сказка про ханскаго сына Парсдала и про княжескую дочь Целису 24

II. Сказки шуточныя и остроумныя.

Сказка про Андійца Карная и про то, какъ онъ съ помощью своей холопки Задай женился на княжеской дочери. 34

Хитрый Кадій 38

Судъ и Мальчикъ 41

Отрывки изъ шуточной сказки про муллу Насыръ-Эддина 43

III. Легенды.

Хорачоевская легенда 59

Ялхой-мохкская легенда 61

Легенда объ образованіи озера Эзень-амъ 64

Опечатка.

Просятъ исправить важную опечатку, вкравшуюся въ предисловіе. На страницѣ XIII, строка 3—4 сверху напечатано: за *двадцатилѣтнее* пребываніе; слѣдуетъ читать: за *двѣнадцатилѣтнее* пребываніе.